

Исконка

10

ОКТАБРЬ ● 1971

год издания 24

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газета
«Ленинские
искорки» -
орган
Ленинградского
Общества и
Ботаника
В.И.С.И.,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Т. ФИЛАНОВСКАЯ

Осень на Аптекарском острове

Запахом листьев, пряным и острым,
Осень пришла на Аптекарский остров.
И запылал Ботанический сад,
Жарким осенним дыханием объят.
Лето осталось в бескрайнем просторе,
В пене прибоя у Чёрного моря.
Лето осталось в тугой паутинке,
В чаще лесной, в повороте тропинки.
В окна врываются пышные клёны
В летней ещё спецодежде зепёной.
С ворохом астр, гладиолусов пёстрых
Осень пришла на Аптекарский остров.

Рис. Ю. Бочкарёва

Борис РАЕВСКИЙ

...Юла вздохнул, оглядел комнату, Григория Денисовича, читающего газету, и мысли Юлы снова вернулись к Марии Степановне. Юле казалось, что даже Григорий Денисович робеет перед своей учёной женой, кандидатом медицинских наук.

Когда часы пробили девять раз, Григорий Денисович поднял палец:

— Внимание! Сейчас...

И действительно, почти в тот же миг вошла Мария Степановна. Юла чуть не засмеял-

ся, так это получилось здорово. Как фокус.

Мария Степановна сняла пальто, и Григорий Денисович рассказал ей про Юлу. Как его не приняли в Суворовское.

— Почему? — спросила она.

— Сердце... — Юла потыкал пальцем себе в грудь.

— Исчерпывающе точный диагноз! — усмехнулась Мария Степановна. — А ну, снимай рубашку.

Пока Юла раздевался, она достала из портфеля металлический кружляш с двумя длинными резиновыми шнурами.

«Точь-в-точь, как у того уса-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7 за 1971 г.

того... в Суворовском», — подумал Юла.

И действительно, Мария Степановна точно так же, как тот усатый старичок, кончики резиновых шнуров воткнула себе в уши и приложила увесистый кругляш Юльке к груди.

Она передвигала кругляш и слушала Юлькино сердце, а Юлька думал:

«Ну? Скажи: всё в порядке. Ну? Всё в порядке!»

Но Мария Степановна не торопилась.

— Кардиограмму снимал? — спросила она.

Юлька не знал, что это за штука — кардиограмма. И на всякий случай промолчал.

— Ты что — глухой? — строго сказала Мария Степановна. — Кардиограмму делал?

Юла посмотрел на неё, на Григория Денисовича.

— А как... её делают?

— Прекрасно! — усмехнулась Мария Степановна. — Значит, не делал. Ну, а боли? Сердце болит?

— Нет, — заторопился Юлька. — Совсем не болит.

— Не колет? Не давит? Не режет?

Юла изо всех сил замотал головой.

Мария Степановна задумалась.

— Понимаешь, Гоэл, — сказала она (так она всегда называла мужа). — Небольшой миокардитик, вероятно, был...

И она произнесла ещё какие-то учёные слова, которых Юлька не понял. Миокардит —

это-он слышал. Это тот усатый тоже говорил. И в детдоме — врачиха.

— А скажи, — снова обратилась Мария Степановна к Юльке. — Ты же целый год зарядку, пробежки делал. Ну, и как здоровье? Хуже или лучше?

— Лучше, — поспешно сказал Юлька. — Сильнее стал... И ничего не болит.

— Одевайся, — велела Мария Степановна.

Она снова задумалась.

— Понимаешь, Гоэл... Я бы, лично я, — она голосом подчеркнула последние слова, — я бы разрешила Юльке заниматься физкультурой. Ну, конечно, под регулярным медицинским контролем. Но это — я. А другой врач... — она пожала плечами. — Особенно, если перестраховщик... Он Юлу не допустит. Зачем врачу рисковать? А вдруг новая вспышка? Тогда кому попадёт?

— Но, судя по всему, Юльке спорт только на пользу, — сказал Григорий Денисович.

— Да. Но опять же: если врач — трус...

Мария Степановна встала, подошла к окну, несколько минут смотрела на улицу.

— Сделаем так, — наконец сказала она. — Ты, Юлий, завтра приди ко мне в клинику. Снимем кардиограмму. А уж потом окончательно решим.

В КЛИНИКЕ Юлу уложили на кушетку, к обеим его рукам и к обеим ногам присоединили электропровода. А пя-

тый провод с резиновой присоской подключили к груди. Как раз в том месте, где сердце. Теперь от Юлы тянулось столько проводов, как от небольшой электростанции.

Врачиха командовала:

— Дыши! Не дыши! Дыши!

А сама включала и выключала какой-то моторчик.

Металлический белый ящик мягко гудел. Из него ползла узкая бумажная лента. А на ленте какое-то перо чертило линию. Всю изломанную, с острыми пиками, которые то поднимались высоко, то падали.

Мария Степановна долго разглядывала ленту.

— Это что ж — моё сердце? — не удержался Юла.

— Да, это начертило твоё сердце.

Наконец Мария Степановна, очевидно, досконально изучила Юлькину линию.

— Ну, что ж. Неплохо. — Она звонко шлёпнула Юлу по плечу. — Совсем даже неплохо.

Юла улыбнулся, втянул носом воздух. Пахло от Марии Степановны сразу и йодом, и какой-то стерильностью, и сладковатым эфиром, и духами.

«А ничего тётка! — подумал Юла. — Решительная. И толковая. С чего это я её раньше невлюбил? А что с Квантом не ладит, ну, так женщина... С женщинами это бывает...»

В СПОРТШКОЛЕ молодой тренер в синей майке и синих брюках воскликнул:

— А, явился, бесперспективный! — Засмеялся, подмигнул Юле:

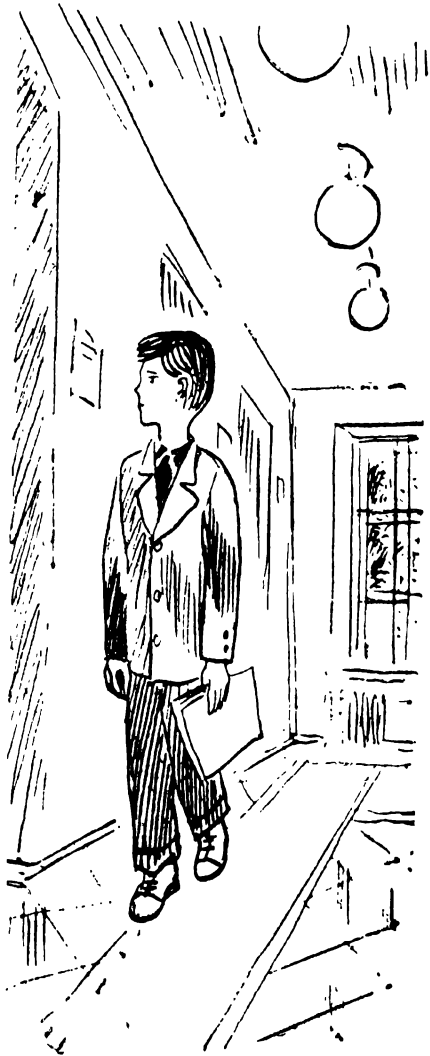
— Первым делом — что? Первым делом — медосмотр!

Ну, конечно! Так Юла и знал.

МЕДОСМОТР надо было пройти во вторник или в пятницу.

Григорий Денисович сказал:

— Знаешь?.. Пожалуй, сходим вместе.

Дни тянулись мучительно медленно. Юльке казалось, это как в фантастических романах: время или остановилось, или даже повернуло вспять.

Но всему приходит конец. Пришел конец и ожиданию.

В пятницу Юла с Григорием Денисовичем поехали в поликлинику.

Снова, как в Суворовском, Юле дали медицинскую карту, и снова ходил он из кабинета в кабинет. К главному, ушному, хирургу, невропатологу.

И, наконец, к терапевту.

Терапевтом оказался высокий молодой дядька. Юла вздохнул с облегчением: молодой, он не будет придирааться. Он смелее старика. Он разрешит.

Всех врачей Юла посещал один, а к терапевту вместе с Юлой зашёл и Григорий Денисович. Врач посмотрел на Григория Денисовича вопросительно: а вы, мол, тут зачем? — но ничего не сказал.

— Ну-с, есть жалобы, молодой человек? — бодро спросил он.

— Никак нет! — ответил Юла.

И сам удивился: вспомнил, что точно так же, чётко, по-военному отрапортовал он старичку врачу в Суворовском.

Опять всё повторилось!..

— Прекрасно! — сказал врач.

Велел Юльке лечь на кушетку. Прощупал ему живот, постукал согнутым пальцем по груди. Потом взял со стола такой знакомый Юльке металлический кругляш с двумя

длинными резиновыми трубочками-шнурами (Юла уже даже знал, что эта штука называется фонендоскоп).

«Начинается», — Юла вздохнул.

Врач сунул концы резиновых трубочек себе в уши и приложил массивный кругляш к Юлькиной груди.

Юлька старался дышать глубоко, вдыхал и выдыхал с шумом и сопением. Авось тогда врач что-нибудь не дослышит. Какой-нибудь подозрительный треск или скрип в Юлькином сердце.

Врач передвинул кругляш и снова передвинул, и опять...

«Ну, кончай! — взмолился Юлька. — Скажи: всё в порядке!»

Но тут кругляш вдруг остановился. И надолго. Врач, прикрыв глаза, внимательно слушал.

Юла засопел ещё громче и чаще. Но врач сказал:

— Что у тебя? Одышка?

Юла испуганно мотнул головой:

— Нет, нет...

Этого ещё не хватало! Он стал дышать еле слышно.

А врач не передвигал кругляш. Слушал.

— Да... — наконец сказал он.

И опять Юла вспомнил старичка в Суворовском. Тот тоже сказал «да...», и именно так же — медленно, с раздумьем. Потом старичок посмотрел в потолок и побарабанил пальцами по столу.

Юле помнилось всё удиви-

тельно чётко, словно это было вчера.

Но молодой врач не смотрел в потолок. И не барабанил пальцами. Он сказал:

— К сожалению... Должен тебя огорчить. Не могу допустить к занятиям.

Развёл руками и повторил:

— К сожалению...

Юла молчал. Его бил мелкий, противный озноб. Будто вдруг голого вывели на мороз.

— Простите, — сказал Григорий Денисович. — Да, мы знаем, у Юлия — остатки миокардита. Давнего, ещё с блокады. Но в последний год мальчик усердно занимался спортом. И чувствует себя значительно лучше...

— Это мне неизвестно, — перебил врач. — И я не могу взять на себя такую ответственность...

— Но я ведь тоже не враг мальчику. Поверьте мне. Я наблюдаю за ним уже больше года. Он очень окреп...

— Не знаю, — перебил врач. — Повторяю: я не могу взять на себя такую ответственность.

Он встал. Всем своим видом он показывал: говорить больше не о чём.

Юла молчал. Только перевёл хмурые глаза с врача на Григория Денисовича.

«Всё? Неужели всё?»

— Послушайте, доктор, — сказал Григорий Денисович. — Этот мальчик уже долгое время находится под наблюдением в клинике Военно-медицинской академии. Его ведёт

лично кандидат наук доцент Верещагина.

Юла в расстройстве только потом сообразил, что доцент Верещагина — это и есть Мария Степановна.

— Что, если нам запросить мнение этой клиники?

Врач посмотрел на Григория Денисовича уже сердито.

— Ну, что ж, — сказал он. — Пожалуйста. Если такая солидная организация... рекомендует Юлию Богданову заниматься спортом... Пожалуйста. Тогда я не буду возражать. Только учтите, заключение должно быть письменное, а не какой-нибудь там звонок по телефону. Письменное, с двумя подписями и печатью.

— Чтобы подшить к делу? — чуть усмехнувшись, сказал Григорий Денисович.

— Да. Именно. Подшить к делу. Только сомневаюсь, очень сомневаюсь, что вам дадут подобную бумагу. Никто не захочет ставить свою подпись. Все мы люди...

«Но не все — трусы», — чуть не добавил Григорий Денисович, однако сдержался.

ЧЕРЕЗ несколько дней сам Григорий Денисович отвёз врачу заключение Военно-медицинской академии.

Врач посмотрел на него сердито, сказал:

— Храбрецы-удальцы!

И размашисто написал что-то на Юлькиной медкарте.

— Пожалуйста. Только пусть обязательно каждый месяц показывается мне. Поняли? Непременно — раз в месяц.

Глава VII

ПЕРВОЕ ЗАНЯТИЕ

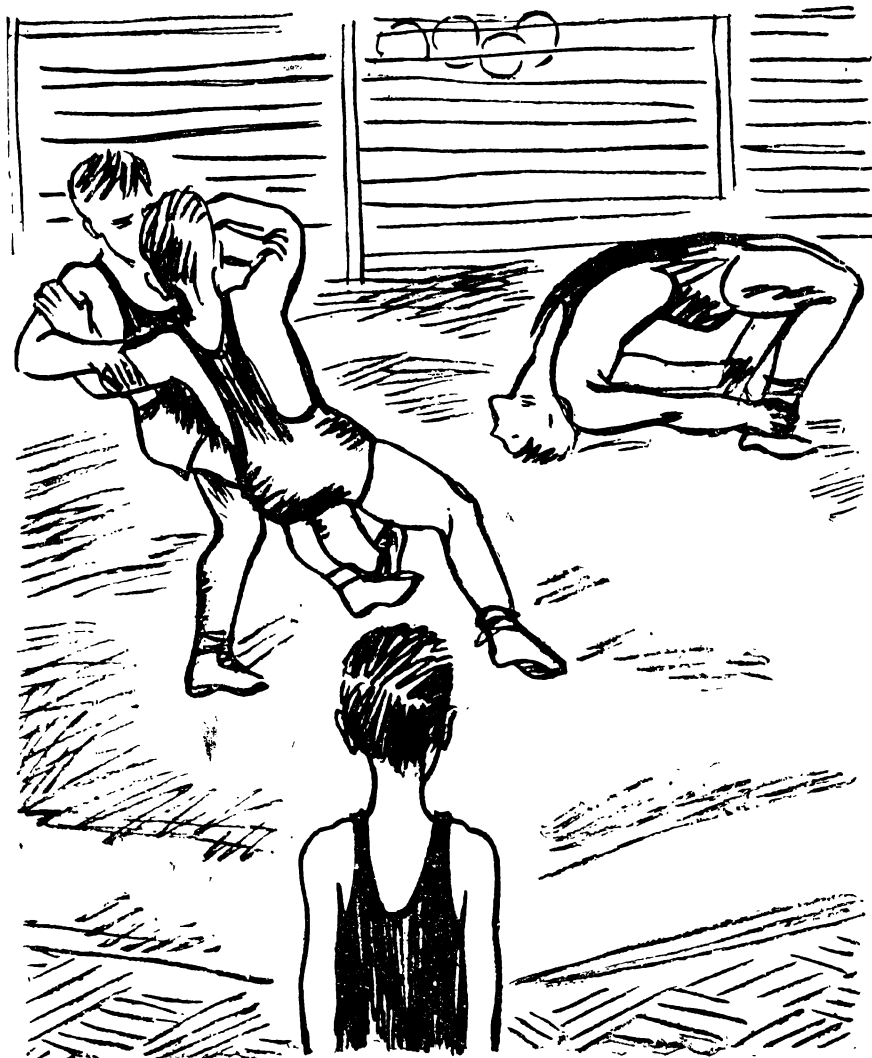
Юла стоял в зале и с любопытством смотрел по сторонам.

На полу был расстелен борцовский ковёр. Пухлый, огромный. Как десятиспальный матрац.

«Как же его втащили сюда? Такой тяжеленный? И как передвигают?»

Юла не знал, что ковёр составлен из нескольких матов. Каждый мат — квадратный, два метра в длину, два в ширину. Квадраты эти войлочные, мягкие, толстые. Их прочно соединяют вместе, а сверху еще обтягивают мягкой байкой. Чтоб не ушибиться, не поцарапаться, когда падаешь.

А падают борцы то и дело. Да ещё как падают! Юла видел: один из юношей вдруг резко схватил другого за руку и

за голову, да как швырнёт через себя!

«Разобьётся!» — ахнул Юла.

Ничуть не бывало!

Тот, как кошка, перевернулся в воздухе, сделал какое-то ловкое движение, такое быстрое, что Юла даже не успел заметить, какое именно. И через секунду он уже был на ногах и стремительной подножкой сбил противника на пол.

«Ловко!» — усмеялся Юла.

Но ещё более удивил его другой паренёк, в синем борцовском трико. Он опёрся о ковёр головой и ногами. И стоял так, прогнувшись дугой.

Юла пригляделся: паренёк опирался лбом и ступнями. Туловище его, как полукруглая арка, изгибалось над ковром.

Но главное — на эту живую арку сел сверху другой парень. Прямо на грудь. И не просто сидел, а ещё подпрыгивал, всей тяжестью стараясь прижать, придавить «арку» к земле.

Казалось, у паренька в синем трико сейчас хрустнет шея от такого дьявольского напряжения. А кадык у него так выпятился — прямо страшно смотреть.

— Это называется «мост», — вдруг услышал Юла.

Он оглянулся. Рядом стоял тренер, как всегда, в синих брюках и синей майке. Юла уже знал: зовут его Игнат Васильевич.

— Очень нужная штука, — продолжал тренер. — «Мост» спасает борца в самых трудных положениях.

— Но шея... — пробормотал Юла. — Не сломается?

Игнат Васильевич засмеялся.

— Сперва всем так кажется! Нет, не сломается. Шея у борца — крепкая. Борец специально тренирует её, чтоб «мост» был негибачаемым, железным.

Юла подумал: «Как здорово названо — «мост»! Точно — живой «мост».

Ему даже на миг показалось, что ноги паренька стоят на одном берегу реки, голова — на другом. А под этой живой дугой течёт, бурлит вода. Мост крепкий. Можно смело ходить по нему, не провалишься.

Вскоре тренер дал свисток, и ребята выстроились в шеренгу.

— У нас новичок, — сказал тренер. — Юлий Богданов.

И, повернувшись к Юле, добавил:

— Стань в шеренгу, по росту.

Долго искать себе место Юле не пришлось. Он, конечно, оказался самым маленьким. И пристроился в конце, на левом фланге.

«Начинается», — вздохнул Юла.

Он старался не думать, что будет дальше. Но невольно представлял себе: сейчас тренер разобьёт всех на пары и начнётся борьба. Вот смеху будет, когда кто-либо из мальчишек швырнёт Юлу через себя!

Но, как ни странно, борьбы не было.

— Играем в нашу любимую! — крикнул тренер.

Ребята радостно зашумели.

Быстро разбились на две команды. В двух концах ковра положили чучела: это были как бы «ворота». Тренер кинул ненадутую мягкую покрывку от мяча, и игра началась.

Надо было покрывкой ударить по чучелу противников. Это был гол. Разрешались все приёмы. Можно сбивать противника на пол, тащить его, хватать за руки, за ноги, за голову. То и дело возникала чуча мала.

Разгорячённые ребята азартно носились по пухлому, зыбкому коврику. Часто звучал свисток тренера.

— Шесть — четыре, — считал он. — Шесть — пять. Семь — пять.

Юла сперва чувствовал себя неуверенно и не бросался в самую гущу боя. Но вот кто-то из своих кинул ему мяч:

— Быстрее!

Юла рванулся. Был он в стонке, и никто его не «опекал», не стерёг. Юла мигом проскочил к чучелу и с маху хлестнул его покрывкой по туловищу. Тотчас прорезал шум свисток.

— Семь — шесть.

Теперь и Юла вошел во вкус этой увлекательной игры, где было всё дозволено. Взмокший, радостный, вырывал он мяч и мчался к чучелу. Его хватили за руки, за ноги, сбивали на пол, но и падая он изо всех сил вцеплялся в покрывку, прижимал её к груди и старался в суতোлке передать кому-нибудь «своему».

Когда раздался финальный свисток, счёт был 14:13. Команда Юлы выиграла, и хо-

тя, конечно, Юла не так уж много сделал для победы, он был горд и почти счастлив.

— Перерыв! — скомандовал тренер.

После передышки он раздал мальчишкам круглые палки. Заложив их за спину, придерживая руками, ребята наклонялись, изгибались, маршировали с палками за спиной по залу.

Занимались они и со штангой. Но немного.

— Козлов! — вызвал тренер. — Покажи новичку жим.

Козлов, белобрысый, крепко сбитый парнишка, подошёл к штанге.

— Смотри, — сказал он Юле. — Видишь: ноги чуть расставлены. Руками крепко обхватываю гриф.

Он положил руки на штангу и как бы притёр ладони к металлической насечке.

— Сперва берувес на грудь.

Он выдохнул воздух. Раз! — и тяжелая штанга, взметнувшись, легла ему чуть ниже плеч.

— А теперь неторопливо, непрерывно выжимаю штангу вверх, на вытянутые руки, — сказал Козлов.

Он напрягся, и штанга медленно поплыла вверх. Она вздрагивала и, казалось, вот-вот замрёт, остановится. Но нет... Когда она достигла высшей точки, тренер хлопнул в ладоши. Это означало — вес взят.

Козлов мягко опустил штангу.

— Хочешь попробовать? — спросил тренер у Юлы.

Ребята заулыбались. Юла неопределённо пожал плечами.

— Ну, давай, — сказал тренер.

Юла шагнул к штанге. Он не знал, сколько она весит. Но решил: постараюсь. Хоть лопну, а подниму.

— Э, нет, нет! — засмеялся тренер. — Козлов! Сними «блины».

Козлов снял металлические тарелки, навешанные на штангу. Теперь она стала, конечно, гораздо легче. Но сколько штанга весит сейчас, Юла опять-таки не знал.

— Ну, спокойно, — сказал тренер и встал возле Юлы. — Крепко обхвати гриф. Пальцы вот так, в «замок»...

Юла вздохнул, выдохнул и рванул штангу. Оказалось, она всё-таки дьявольски тяжёлая.

— На грудь! На грудь! — вразной закричали мальчишки.

Юла положил штангу на грудь. Сразу стало легче.

«Ну? А дальше?.. Как я её?.. На вытянутые руки...»

Юле стало страшно. И сразу ноги обмякли.

Тренер словно почувствовал это.

— Всё! — крикнул он и хлопнул в ладоши. — Опустит! На первый раз хватит!

И Юла бросил штангу на пол.

Звон металла, гулкий грохот прокатились по залу.

Тренер поморщился.

— Штангу опускают, а не кидают, — негромко сказал он.

Но Юла не слышал: Он едва стоял. Сердце билось неровно, резкими, сильными толчками. А ноги, мягкие, словно резиновые, казалось, сейчас так и подкосятся, и он сядет, вот прямо посреди зала сядет на пол.

«Наверно, побледнел я... Только бы тренер не заметил», — пронеслось в голове.

Но ни тренер, ни ребята ничего не сказали.

ЮЛА стоял у окна, в чужом парадном, на третьем этаже. Напротив, через улицу, тоже на третьем этаже, светились окна квартиры, где жила Женя.

Юла давно изучил эти четыре окна: два оранжевых и два голубых. Дома у Жени он ни разу не был. Но с улицы часто поглядывал на них.

Сейчас они были так близко — каждая мелочь видна. Вон буфет, высокий, почти под потолок, старинный, с тяжелыми резными фигурами на дверцах. А вот большие часы, они стоят на полу, и видно даже, как жёлтый маятник с круглой медной бляхой на конце мерно ходит: туда — сюда, туда — сюда. Даже не верилось, что эти окна — через улицу. Казалось, протяни руку и достанешь.

В парадной мимо Юлы то вверх, то вниз шли люди. Никогда раньше Юла не подумал бы, что так часто ходят по лестнице. Юла стоял спиной к проходящим, но даже затылком ощущал их подозрительные ощупывающие взгляды. Чего, мол, здесь околачивается паренёк?

«Хочу и стою, — утешал себя Юла. — Просто вот стою, и всё. Кому какое дело?»

Он старался держаться независимо, и когда кто-либо проходил мимо, даже насви-

стывал весёлый мотивчик, но в общем-то всё это было не очень приятно.

Зато когда на лестнице становилось тихо, Юла припадал к стеклу. Напротив, в голубом окне, была Женя. Она неслышно двигалась по комнате, о чём-то говорила с мамой и бабушкой, исчезала за дверью и вскоре снова появлялась. Была она в синем сатиновом халате, в котором раньше Юла никогда её не видел. А на ногах тапочки.

Смотреть на Женю было приятно, но почему-то стыдно.

«А что? — то и дело успокаивал себя Юла. — Я ж ничего... Ну, стою и смотрю. Что ж такого?»

И всё-таки ощущение неловкости не исчезало.

Уже недели три, наверное, не видел Юла Женю. С того самого вечера, когда, разозлясь, крикнул ей: «Не бабское это дело!»

Раньше хорошо было: каждый день гуляли с Квантом. Хочешь — хоть целый час смотри на Женю. На её чуть приподнятое правое плечо (оно всегда у неё немного выше левого), на её каштановые волосы, разделённые ровным пробором точно посередине, на её тонкую длинную шею...

По лестнице мимо Юлы спускался мужчина с детской коляской. Коляска резко прыгала со ступеньки на ступеньку, и казалось, вот-вот вырвется из рук и поскачет вниз.

Юла проводил мужчину взглядом, потом вновь стал смотреть на Женю.

Она поговорила о чём-то с бабушкой, кивнула, надела пальто, шапочку, взяла «авоську».

Юла мигом скатился с лестницы и притаился на панели, за газетным киоском.

Вскоре из подворотни вышла Женя. Юла обождал немного и, чувствуя, как сильно бьётся сердце, направился за ней. Он боялся: а вдруг Женя оглянется, увидит его. И в то же время думал: «А хорошо бы, обернулась и сказала: «Здравствуй, Юлий! Как давно мы не виделись!»»

Но Женя не оглядывалась, неторопливо дошла до угла и скрылась в «Гастрономе».

Юла остался на улице.

«Вообще-то могу я и сам. А что? Подойти, будто бы случайно... Так вдруг, увидел. «А, Женя! Здравствуй!» — Но он тотчас замотал головой: — Нет, нет! Не смогу...»

Вскоре Женя вышла из магазина. Теперь её сетку распирала кульки и пакеты. Она повернула домой, и Юла опять шагнул за ней.

«Ну же, обернись, — молил он. — Ну же... Скажи — „Здравствуй, Юлий!“»

Ему показалось, что возле самого дома Женя заметила его. Но, наверно, это ему лишь показалось.

Женя нырнула в подворотню и скрылась.

Глава VIII НОВИЧОК

На следующее занятие секции Юла пришёл раньше всех.

В раздевалке он с удовольствием обулся в новые ботинки-борцовки (их ему выдал тренер). Были они из мягкой, приятной на ощупь чёрной кожи, высокие, крепкие. И нога в них чувствовала себя как-то очень уютно, ладно и уверенно.

Зашнуровав ботинки, Юла не удержался, медленно прошёл мимо зеркала и, оглянувшись, — не видит ли кто? — мельком посмотрел на себя. Из зеркала на него глянул вполне подходящий парнишка. Он развернул, напружинил плечи, округлил руки.

Ну что ж! Хоть и невысок, но не так уж плох. В борцовках он выглядел очень даже

по-боевому. Правда, трико, настоящего спортивного трико с лямками через плечо, у Юлы не было. Но и в трусах он в общем-то тоже «смотрелся».

В самом начале занятия в зал вошли директор и тренер. А чуть позади них шел какой-то парнишка.

— У нас опять новичок, — бодро сказал Игнат Васильевич. — Вот, знакомьтесь: Андрей Рамзай.

Тренер сделал шаг в сторону — новичок словно бы прятался у него за спиной, — и мальчишки перевели глаза на своего будущего товарища.

«Как же так? — мелькнуло у Юлы. — Ведь директор говорил: секция укомплектована. Меня — сверх нормы. А тут ещё одного...»

Но стоило ему присмотреться к новичку, он сразу всё понял.

Андрей Рамзай был высокий, стройный. Крепкие плечи, мощные ноги. Широкая, круто выгнутая грудь.

Вот такими скульпторы изображают атлетов. Всё в его фигуре было стройно, соразмерно, красиво. От него веяло мощью и мужеством.

«Да, — подумал Юла. — Почти готовый чемпион».

Очевидно, похожие мысли мелькали и у других ребят. Они перешёптывались, перемигивались, и в глазах у них были восхищение, гордость и, пожалуй, даже зависть.

Уж больно красив и могуч был новичок!

Поражала в нём и ещё одна

особенность: голубые глаза и чёрные волосы. Очень редкое сочетание!

— Борьбой занимался? — спросил у Андрея директор.

— Нет.

— А другими видами спорта?

— Лёгкой атлетикой... Гимнастикой... Плаванием. Всем понемногу.

По шеренге снова прошуршал шепоток. Ишь ты!

...Второе занятие было похоже на первое.

Сражались команда на команду в «игре без правил».

Изгибались с гимнастическими палками за спиной.

И разучивали приём. Правда, другой: назывался он очень длинно и мудрёно. Юла даже сразу не запомнил: «переворот с забеганием, захватом шеи из-под плеча изнутри».

А в старину этот приём назывался проще: «полунельсон».

Игнат Васильевич сказал: этот приём был излюбленным у Ивана Поддубного, знаменитого силача, который боролся в цирке, даже когда ему было семьдесят лет, и всех подряд укладывал на лопатки.

Про «нельсоны» и «полунельсоны» и про Поддубного Юла не раз читал. Так вот, значит, что это за штука — «полунельсон».

Потом делали кувырки, сальто. Борец должен быть ловким.

Потом возились со штангой.

Тут новичок сразу показал себя.

Он подошёл к штанге, когда на ней было установлено семьдесят килограммов. Привычно натёр ладони, чтобы не скользили, белым порошком — магниевой. Нагнулся и легко, словно бы играючи, вскинул штангу на грудь. Потом так же легко «вытолкнул» вес на вытянутые руки.

«Семьдесят килограммов!» — покачал головой Юла,

Правда, это был не жим, а толчок. Толкать легче. В жиме надо медленно и непрерывно поднимать вес, а тут — один резкий быстрый толчок от груди вверх.

Но всё-таки... Семьдесят — это семьдесят.

— Что? Залюбовался? — спросил Игнат Васильевич.

Юла и не заметил, как он подошёл.

— Да, хорошо сложен парень, — продолжал тренер. — Почти Аполлон! Вернее, Аполлон плюс Геркулес!

Он усмехнулся, посмотрел на Юлу:

— Ну, честно. Завидуешь?

Юла пожал плечами. Вообще-то, как не позавидовать? Когда одному человеку столько дано, а другому — вдвое меньше?

— Не завидуй, — сказал тренер.

Голос его потерял смешливость, стал серьёзным.

— Запомни, — сказал тренер. — Крепко запомни...

И тут он сказал фразу, которую Юла сперва не совсем понял. Потом он слышал эту фразу от тренера ещё не раз.

— Человек себя лепит, — сказал Игнат Васильевич.

Посмотрел на Юлу внимательно, пристально: дошло ли?

И повторил:

— Человек себя лепит.

(Продолжение следует)

Рис. В. Тюлькина

Анатолий ТЯПАЕВ

Разговор с ветром

Померкнут звёзд ночных
Огни...

Ты, ветер,
Выйди на раздолье —
Росу с берёзок отряхни,
Растромоши
Ржаное поле.
И я проснусь.
И мы вдвоём
Пройдём до поля
Нашим садом,
Мотор басистый заведём,
В кабину тракторную
Сядем.

Трудиться будем
На заре,
В страду бескрайнюю
Въезжая!
И разнесёшь ты
По земле
Богатый запах
Урожая!

Перевёл с мордовского
Сергей МАКАРОВ

СТИХИ

КТО больше всех по земле ходит? Геологи. Работа у них такая: ходить и иснять. Если бы сложить все километры, что остались за спиной геолога Олега Тарутина, путь получился бы длинный-предлинный. Видели его леса Приамурья, берега озера Зайсан в Юго-Восточном Казахстане, бухта Марии Прончищевой на Таймыре, отроги Сихотэ-Алиня. Плескались перед ним волнами Енисей, Тунгуска, Индигирка, Яна... А совсем недавно вернулся он из далёкой Антарктиды, где был в составе 16-й Советской Антарктической экспедиции.

Олег ТАРУТИН

Полог и накомарник

Комариный генерал
комарам приказ отдал:
наточить носы острей
и за ним лететь скорей.
Добираться в те края,
где палатка у ручья,
где укрылись в пологе
вкусные геологи.
Триста тысяч комаров
поднялись на этот зов,
и, гудя
и завывая,
на разбой рванулась стая.
Вот увидели палатку,
развернулись на посадку
и с разлёта —
прямо в дверь.
Ну, держитесь все теперь!
...Что случилось?
Что такое?
Комары от злости воют.
Комариный генерал
носом в пологе застрял.

Поглядев на генерала,
войско тоже всё застряло.
И прекрасно в пологе
выспались геологи.
...Порешили комары
притаиться до поры.
Ведь известно, что
в маршрут
люди полог не берут.
Притаились, ждут коварно.
Ну, вперёд!
Кусай!
Коли!
Только люди накомарник
неспроста изобрели.
Не пробиться, не вцепиться.
Остаётся только злиться
и опять остаться с носом.
Так и надо кровососам!

Медная руда и молоток

Лежала медная руда
ужасно долгие года.
И очень надоело
скучать ей так без дела.
И раздавались жалобы
внутри огромной глыбы:

В Р Ю К З А К Е

Идёт геолог по земле, смотрит на её бескрайние просторы, видит её сказочные богатства: леса, поля, моря, реки. А это очень важно: идти и видеть. И, конечно, очень хочется рассказать об увиденном другим людям. Правда, это не просто. Приходится перекапывать «тысячи тонн словесной руды» в поисках самого нужного слова. Но геолог — человек упорный, искать ему не привыкать.

И геолог Олег Тарутин стал поэтом Олегом Тарутиным. Первая его книжка так и называлась: «Идти и видеть!». Второй сборник стихов он назвал «На трёх китах». А кто, по древней легенде, на трёх китах-то? Всё та же земля, по которой он ходит, неутомимый поэт-геолог.

Недавно вышла его книжка для ребят «Верные лапы» — о наших друзьях: овчарках, боксёрах, тансах...

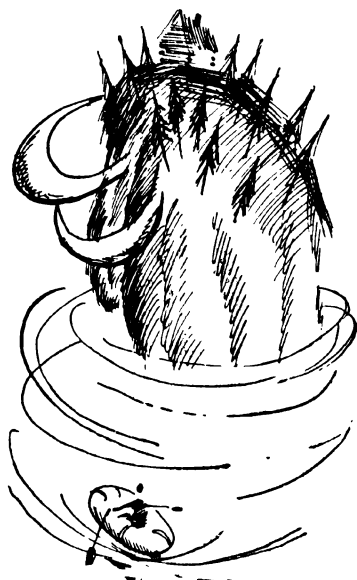
Поэт и геолог. В этом вы сейчас сами убедитесь, прочитав стихи Олега Тарутина.

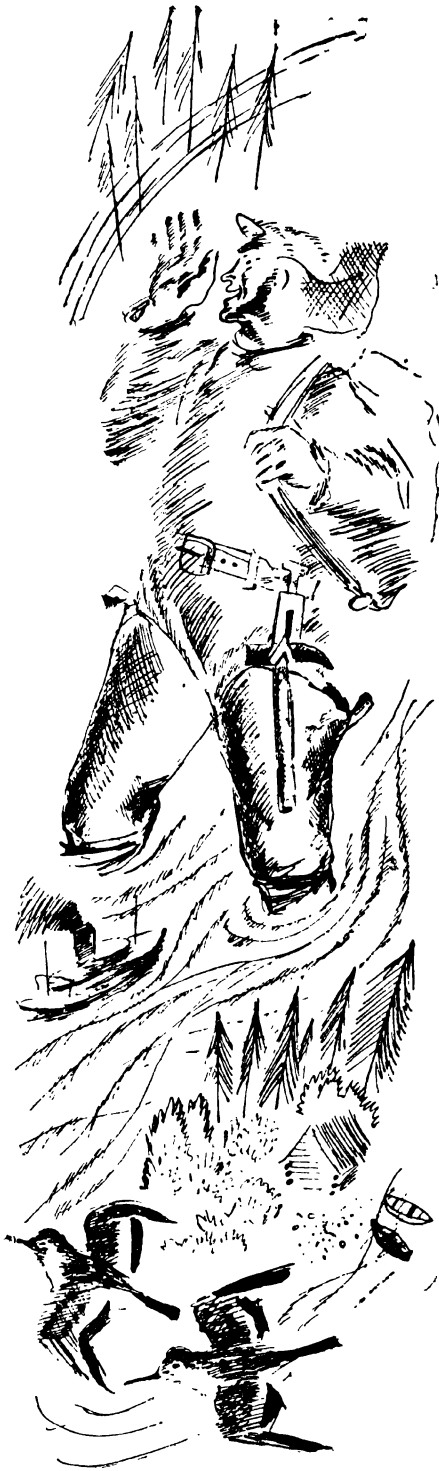
«Ах, сверху я лежала бы,
давно меня нашли бы!»
«Я нужная,
я медная!
Несчастливая я, бедная!»
Но как-то раз раздался вдруг
над головою громкий стук
и раскололась глыба.
Руда воскликнула:
«Ура!
Давно уж мне на свет пора!
Кому сказать спасибо?
Ах, кто мне выбраться помог,
не вы ли, милый молоток?»
А тот сказал:

«Да что там,
обычная работа...
Мне это дело по плечу,
я целый день жожу-стучу,
и целый день повсюду
выискиваю руды.
Вот я сегодня вас нашёл,
И это очень хорошо!»

Бивень мамонта

Однажды огромный рассеянный
мамонт
свалился, гуляя, в глубокую яму.
Застрял и подумал:
«Какая беда!
Наверно, останусь я тут навсегда!
Прощайте, кусты, ледники и поляны!
Не вынуть меня без подъёмного
крана...»
...Прошли чередою над ямой века,
и яма сама уже стала горю,
А рядом, петляя, помчалась река,
ту самую гору без устали роя.
И как-то река после сильного ливня
отрыла обломок огромного бивня.
Лежал он в обрыве над самой
водой,
и плыл по реке человек с бородой.
Он плыл, напевая, в резиновой
лодке,
он спрыгнул на берег,
он поднял находку.
И бивень лежит на диване сейчас,
и нюхает кот его, грозно фырча.

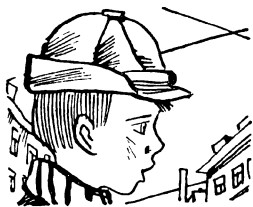
Сапоги

Сапоги такого сорта
называются ботфорты.
Половина сапожиц
состоит из голенищ.
...Встанет утром спозаранку
человек среди тайги,
сунет ноги он в портянки,
а портянки — в сапоги.
Поведет его работа
через топкие болота,
через быстрые ручьи
под названием ключи.
Он на речке брод отыщет
и поднимет голенища.
Выйдет на берег опять —
можно, значит, опускать.
А потом река другая
и овраг за той горой...
Поднимает,
опускает,
и идёт себе сухой.
А ведь хуже б шла работа,
если б он в пути промок.
...Нет, не зря придумал кто-то
голенища у сапог!

Мешок заплечный и мешок спальный

Хорошо, придя домой,
у палатки вечером
снять рюкзак тяжёлый свой,
свой мешок заплечный.
Целый день,
пока ты шёл,
он скрипел ремнями:

Григорий ВОСКОБОЙНИКОВ

Генеральский секрет

ЛЕЙТЕНАНТОМ стать трудно. Полковником ещё труднее. Вовка хотел быть генералом. Он знал, что это нелегко, и тренировался.

Прежде всего парадный шаг. В школу и из школы. Он и в школьном коридоре маршировать пробовал, но над ним стали смеяться.

«Глупые, — думал Вовка. — Играют в свои игры, ещё их военными называют, а главное совсем не это. Главное — это голос. У всех полководцев должен быть отлично поставлен голос, чтобы он мог объявить однажды своему врагу: «Иду на вы». И ещё парадный шаг, чтоб обходить войска, когда принимаешь парад».

Вовка всегда получал пятёрки по физкультуре — генерал должен быть сильным и выносливым.

Ещё все генералы должны хорошо играть в шахматы и уметь считать. Вдруг придётся подсчитывать полки после боя.

Историей и географией, которые начались в этом году, Вовка решил, что тоже стоит заняться. И всё. Больше ничем. Остальное ерунда. Будет, например, у генерала время чистописанием заниматься? Нет, конечно. На это писаря есть. Ещё при Наполеоне, а может и ещё раньше, при каждом генерале был писарь. Хорошо бы и счетовода завести, а то эту арифметику каждый день делать приходится.

Но сегодня Вовка не мог сидеть спокойно не только на русском, сегодня он даже и на истории всё время дёргался. И в перемену вдруг, наоборот, не выскочил как всегда первым в коридор, а всё сидел за партой и о чём-то думал.

— Ты чего? — спросил его Вадик Шахвердов. — Живот болит?

— Нет, не болит, — ответил Вовка.

— Не болит, чего ж тогда не в столовой?

— Так...

— Может, водички из фонтанчика пойдём попьём?

— Не хочется.

— «Не хочется, не хочется». Чего ж тебе хочется? Футбол-то останешься гонять сегодня?

И тут всё выяснилось.

— Не могу, — сказал Вовка. — Генерал к нам приехать должен. Сегодня. В гости.

— Кто, кто? — переспросил Вадик.

— Генерал. Генерал-лейтенант. Две звезды на погонах.

— Так, — выдавил Шахвердов. — Значит, к тебе генерал в гости, а ты целый день молчишь?

И тут он закричал на весь класс:

— Ребя, к Вовке генерал приехал!

— Да не приехал ещё, — оправдывался Вовка. — После двух часов приедет. И не ко мне, а к отцу.

До дома Вовку провожал весь класс.

— Может, можно, а, Вовка? — просили ребята. — Мы к тебе на пять минут бы зашли, и всё. Или давай словно за домашним заданием. Жалко тебе, что ли?

— Так не ко мне он приехал, понимаете, к отцу. Отец с ним в санатории подружился, — объяснял Вовка, а сам думал: «Им-то зачем к генералу? Мне понятно. Я и сам генералом буду. Вот спросить только надо, что ещё делать, чтоб скорее им стать. А хорошо б погулять с ним пойти. В воскресенье. Или в субботу после уроков. Мы бы шли вместе. Генерал и я. Парадным шагом. На нас бы все оглядывались и говорили: «Вон мальчик. Тоже, наверное, скоро будет генералом».

— Вовка, смотри, — толкает Вадик, — генеральская. И цвет военный. У парадной стояла тёмно-зелёная «Волга».

— Вовка, — снова попросил Вадик, — ты махни нам в окно. Ладно? Если можно будет. Мы на минутку всего.

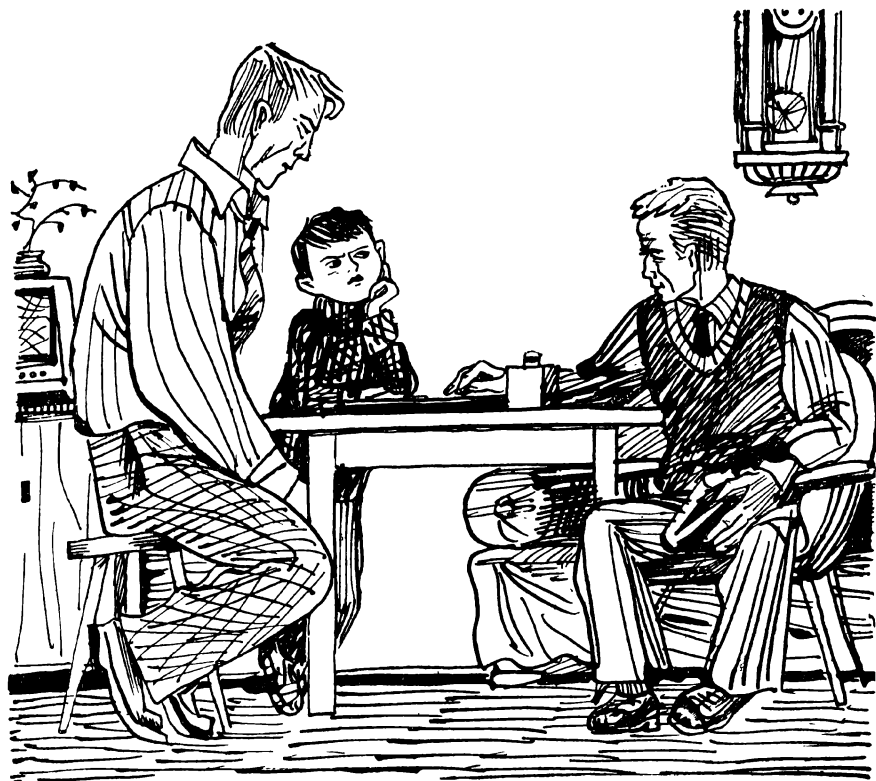
— Ладно, — выдохнул Вовка, взбежал на четвёртый этаж и стал названивать. Ноги у него почему-то дрожали.

На вешалке генеральской шинели не было. Висел чей-то плащ, чья-то кепка.

— Эх, ты, — сказал Вовка отцу, — а говорил, что друг приедет. Знаешь, как я торопился.

— Так он и приехал.

— Приехал? — переспросил Вовка и тут понял, что генерал и не раздевался совсем. Кто ж это захочет генеральскую шинель снять? А в коридоре, наверное, его шофёр разделся.

Из ванной донёсся шум воды. «Моется», — улыбнулся Вовка и вошёл в комнату. В комнате за столом сидел человек очень маленького роста, а когда он сказал: «Здравствуй!» — выяснилось, что он ещё и заикается. «Вот ведь, — подумал Вовка, — каких шофёров генералам дают. Я бы такого и не взял никогда».

А маленький человек вдруг снова, заикаясь, сказал: «Здравствуй!»

— У вашей «Волги» оба ведущих? — спросил Вовка.

— У «Волги»? — удивился человек. — Так у меня не «Волга», у меня «Победа». И то не моя. Полковая.

— Понятно, что не ваша. Работы-то много? У нас в классе Самсонов есть, у него мать — шофёр, так говорит, что вечером в дневнике у Самсонова расписаться не может. Так глаза устают.

— У меня детей нет. Я в дневнике не расписываюсь.

Больше Вовка не знал, о чём говорить, и всё только думал: «Поскорей бы генерал из ванной вышел». Потом он достал шахматы, в которые хотел сыграть с генералом, и спросил: «Будете?»

— Нет. Я только в шашки умею и в домино немножко.

«Ну, даёт», — подумал Вовка.

— Я хотел в шахматы научиться, да всё некогда было. И потом, голова у меня всегда устаёт от шахмат.

— Конечно, — усмехнулся Вовка, — там же думать надо.

Прошло ещё минут пять. Генерала не было.

— Вы б его сходили позвали, — попросил Вовка.

— Ладно. — Маленький человек вылез из-за стола и, прихрамывая, пошёл в коридор.

«Видно, до пенсии работает, — подумал Вовка, — а может, генерал его любит. Может, воевали вместе».

Человек вошёл в комнату и привёл с собой Вовкиного отца.

— А где же ваш генерал? — спросил Вовка.

— Мой? — удивился человек. — Какой мой?

— Как какой? У которого вы шофёром работаете.

— Вовка, ты что болтаешь, — вмешался отец. — Это же и есть Василий Сергеевич, с которым мы отдыхали вместе. Ты, Вася, не удивляйся. Вовка никогда живых генералов не видел, только на картинках.

Да, Вовка никогда не видел живых генералов, но зато теперь смотрел во все глаза. Он смотрел и за чаем, и в то время, пока Василий Сергеевич играл с отцом в шашки, и когда пошли провожать Василия Сергеевича до троллейбусной остановки. Вовка смотрел и думал: что ж ему теперь делать? Выходит, и парадным шагом ходить не надо, и арифметикой заниматься не самое главное, и физкультурой тоже. А что же тогда самое главное?

Вовка так и спросил у Василия Сергеевича:

— Что самое главное, чтоб генералом стать?

Василий Сергеевич не ответил, — видно, думал. Вовка даже почувствовал, как он думает. А в последний момент, когда уже подошёл троллейбус, Василий Сергеевич вдруг сказал:

— Здраваться надо.

— С кем здраваться? — не понял Вовка.

— Со всеми, — ответил Василий Сергеевич. Сел в троллейбус и уехал. Не на «Волге», не на «Победе», а на троллейбусе.

Валентина ЧУДАКОВА

Когда я была мужчиной...

(Невыдуманный рассказ)

Рисунки П. Вискова

НА ВОЙНЕ я очень боялась генералов. Наверное, потому, что они меня обижали. С самого начала и до конца.

Генералы не верили, что накануне войны мне исполнилось полных шестнадцать. Не верили из-за моего роста — метр сорок восемь, из-за худобы, а главное потому, что у меня не было паспорта — не успела получить. Как, бывало, попадусь случайно на глаза какому-либо генералу, так начинается пытка: «Кто такая? Откуда? Через какой военкомат попала на фронт?..»

Я отвечаю:

— Ни через какой. Я — доброволец.

А мне не верят:

— Не грехи, пигалица. Добровольцы тоже через военкома оформляются.

Ну что ты будешь делать?

А дело было проще пареной репы.

Уже на восьмой день войны над нашим мирным городом ревели наглые «юнkersы», но-

сились в синем небе юркие злые «мессеры», с паучьей свастикой на крыльях. Бомбили и обстреливали. Наши войска отступали на Старую Руссу.

Жара стояла изнуряющая. Нечем было дышать. Листья на сирени висели как ошпаренные. Пылица поднималась до самого неба. Брела понурая пехота, тянулись пушки, машины, санитарные крытые фургоны.

Моя бабушка ворчала: «Экая силища прёт... Бесстыдники, поди, и не стрельнули ни разу по Гитлеру...»

Отходили последние заслоны. Уже отчётливо слышалась пулемётно-ружейная стрельба. И бабка мне категорически приказала:

— Уходи в тыл. Подальше. Где-нибудь там осядешь. Люди не звери, чай, помогут сироте пристроиться к делу.

— А ты как же? — возражала я. — А Галинка с Димкой?

— Да куда я тронусь с малыши детками без гроша лома-

ного? Может, и не тронут меня, старуху, супостаты. А коль и придётся смерть принять, так уж на собственной перине, в своём углу.

Было не до споров. И я, обливаясь слезами, налегке зашагала к железнодорожному поезду, где полосатый шлагбаум задрал вверх безработную руку. Пошла, сама не зная куда.

...**М**Ы ЕХАЛИ по просёлочной дороге. Мы — это я, военный шофёр дядя Петя и строгий молодой лейтенант товарищ Боровик. Мы все трое втиснулись в жаркую кабину и буквально изнывали от духоты и тесноты.

Наша машина, ширококолая, приземистая, что квашня, неторопливо карабкалась из колдобины в колдобину, хлюпала горячей утробой: хлюп, хлюп, хлюп...

Я ехала не в тыл, а в отдельный разведывательный батальон. Но не насовсем. После долгих споров и переговоров лейтенант и дядя Петя решили меня обмундировать и незаметно подбросить в штаб их дивизии, а там уж сам начальник штаба полковник Карапетян решит: быть мне бойцом или не быть. И он решил. По его приказу меня зачислили в дивизию воспитанником. Вот тебе и райвоенкомат.

Летом сорок первого года увидел меня под Старой Руссой генерал Комиссаров и рассердился: «Это что такое? Это почему тут такое? Кто позволил?» Я молчу. Только глазами хлопаю. А мой начальник военфельдшер Зуев почтительно объясняет: «Это наш Чижик». Генерал ещё пуще: «Я вам покажу Чижика! И... пыжика покажу! Ишь, в бирюльки они играют. Нашли время. Вон! В тыл! В Уфу! В Иркутск! За школьную парту!..»

Ну и поревела я тогда... В тыл! За что? Почему в тыл? Все на фронт рвутся, а меня в тыл. Это добровольца-то!

Сразу меня не отправили, а

по осени попали мы в окружение между Демянском и Лычковом. А когда вырвались из фашистского кольца и пробились к озеру Селигер, нашей дивизией командовал уже другой генерал. Так и осталась я на фронте. Но предприняла кое-какие меры маскировки. Вместо юбочки надела солдатские штаны-галифе, обрезаю косички и зализала чёлку. Посмотришь издали — чем не боец? Но всё равно, как, бывало, завяжу генеральские лампы — так в кусты. Это у меня такой инстинкт самосохранения выработался: от «мессера» — в канаву, от генерала — в кусты...

И всё шло как по маслу. Вначале я перевязывала раненых своего стрелкового полка, потом примазалась к пулемётчикам.

18 августа сорок второго года на юге, на реке Чир, началась великая Сталинградская битва. В тот же день войска нашего Калининского фронта перешли в наступление на сильно укрепленный фашистами город Ржев. Задача наша была абсолютно определённой: связать на Ржевском направлении как можно больше вражеских дивизий, с тем чтобы лишить Гитлера возможности перебросить с нашего фронта дополнительные силы под Сталинград. Дрались мы яростно: уж очень всем нам хотелось помочь героическим сталинградцам.

19 августа у пулемёта «максим» на поле боя осталась я одна. Все мои боевые това-

рищи погибли. Немцы контратаковали почти непрерывно. На помощь ко мне подоспел комсорг нашего полка Дима Яковлев. Под вечер фашисты предприняли «психическую» атаку. Шли на наши позиции во весь рост, без головных уборов, с засученными рукавами. Автоматы у животов, в зубах кинжалы. Одним словом, головорезы-смертники. А тут ещё на флангах фашисты до наглости близко подкатили радиостановки с мощными усилителями. В темпе марша они омерзительно орали на одной ноте: «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!» В общем, картина не для слабонервных. Мороз по коже. Хорошо, что мы с Димой уже всякое повидали.

Наш «максимка» был самым левофланговым. Позиция удобная. Хорошо замаскированная. Мы подпустили «психов» совсем близко, почти как Анка-пулемётчица из кино «Чапаев».

Я уже отчётливо видела их звериные рожи, волосатые руки, небритые подбородки. Казалось, вот-вот бандиты захлестнут наши редкие цепи. Не выдержала, закричала: «Дима, огонь!» И комсорг застрожил с рассеиванием на всю ширину их рядов. Фланкирующий огонь самый губительный, да ещё с близкого расстояния. Фашисты заметались. А тут и ещё два наших уцелевших пулемёта яростно заклекотали. «Психи» не выдержали. Залегли, огрызаясь автоматным огнём, хоть и неприцельным, но зато невероятной плотности.

Совсем рядом с нашей позицией разорвалась мина. Дима был ранен осколком в голову. Рана на Диминой макушке была небольшой, но глубокой. Кровь заливала Димины голубые глаза. Он отфыркивался, как раненый морж в воде, и всё торопил меня: «Скорее, чёртов Чижик! Не копайся!» — и всё рвался к пулемёту. Так и не дал перевязать как следует. Опять залёг за «максимку». Но тут хищная пуля, ворвавшись в прорезь бронированного щита, клюнула Диму в левый карман гимнастерки, да так, что на секунду материя задымилась. Дима охнул, выплюнул кровавую пену и сполз на дно окопа, судорожно цепляясь руками за обгоревшую траву.

«Психи» снова поднялись во весь рост. Теперь стреляла я. Стреляла до тех пор, пока не закипела вода в кожухе. Из паротводной трубки хлестал пар. Обжигая пальцы, я с трудом отвернула пробку трубки и спустила из кожуха горячий кипяток. Вставила в приёмник новую ленту, перезарядила, но стрелять было нельзя: раскалённый пулемёт изрыгает не пули, а бесполезные сгустки свинца. Воды! Во что бы то ни стало воды! Охладить кожух.

Пользуясь минутным затишьем («психи» выдохлись), я оглядывалась по сторонам, ища помощи. И тут прибежал ординарец комиссара Юртаева, комсомолец Петя Ластовой. Из ближайшей канавы он принёс в двух касках мутную жижу. Её мы вылили на кожух сверху.

Я взмолилась:

— Петенька, надо ещё!

Он молча принёс вторую порцию такой же «воды». С сомнением спросил:

— А можно ли этокоё заливать в кожух?

— Лей! Некогда разбираться.

Петя по приказанию комиссара полка остался со мной.

— Петя, набивай ленту. Я комсорга осмотрю.

С трудом перевернула тяжёлого Диму на спину. Он был без сознания. Пульс прощупывался едва-едва. Но я обрадовалась: жив. Перевязать не успела. Прибежал пожилой санитар. С моей помощью уложил Диму на плащ-палатку, потащил в тыл.

— Контратака! Готовсь!..

Я очень волновалась. Не от страха, а из боязни, что пулемёт откажет. «Максим» капризен, чуть что не так — замолчит. Такие капризы называются «задержками». По уставу задержек насчитывается пятнадцать. Да плюс шесть неуставных, выявленных на практике. А я знала и умела устранять только две: перекося патрона и поперечный разрыв гильзы. Петя же и вовсе пулемёта не знал. И я вдруг помню своей воли начала заклинать вслух, как шаман, отгоняющий злых духов от стойбища:

— Максимушка-Максинька, не выдай! Родной, не откажи! Ради бога, не откажи!

Я даже, кажется, перекрестилась машинально, потому что Петя вдруг поглядел на

меня с немим изумлением. Потом упрекнул:

— А ещё комсомолка!..

Я НЕ ПОМНЮ, как была ранена. Очнулась уже в медсанбате. В ту же ночь меня эвакуировали в полевой госпиталь.

Лечусь одна среди мужчин. Полёживаю, как барыня, в солдатской палате за ширмой из плащ-палатки. От скуки «Боевые уставы» почитываю. «Максимку» своего изучаю.

прошу одного выздоравливающего сержанта:

— Сходи, браток, к тому старшему лейтенанту Широкову и запиши меня на курсы. Но только не говори, что я не мужчина, а то не возьмёт.

А сержант сомневается:

— А если он сюда, в палату, придёт?..

— Скажем, что пошутили. Только и всего, — дружно решили мои товарищи по палате, а сами хохочут — аж пузыри пускают.

Вот раненые между собой и говорят:

— Старший лейтенант Широков тут ходит, на командирские курсы записывает тех, кто пограмотнее. Идём?

И меня с собой зовут:

— Айда!

А я отмахиваюсь:

— Ну какой из меня командир...

Ребята уговаривают:

— Не скажи, характер подходящий. Да и сама рассуди: рядовым воевать или взводным? Пулемётный взвод — ведь это сила!

Так и уговорили. Вот я и

Поверил старший лейтенант Широков сержанту, записал меня как мужчину. И бумажку-направление выдал.

Вылечилась я, получила в штабе госпиталя справку о выздоровлении и отправилась в деревню Воробьёво. Там, на берегу калининской Волги, и стояли эти самые армейские курсы младших лейтенантов.

В ШТАБЕ оказался только один писарь. Чуть постарше меня. Но зазнайка! Оглядел он меня критически с головы до ног, похихикал в кулак и отправил в пулемётную учебную роту.

Зато командир роты капитан Бунчиков воззрился на меня ехидно-преехидно. Прочитал мою бумажку да и говорит своему заму:

— Широков-то наш рехнулся — девку парнем завербовал.

Мне стало очень обидно.

— Выбирайте, — говорю, — выражения, товарищ капитан! Что значит «завербовал» и какая я вам девка?

— А кто ж ты? Парень, что ли?

— Да какая разница? У вас отсталые взгляды на женщину.

— Не в том, что женщина. А комплекция не та. Двухпудовый пулемётный станок как на тебя взвалишь?

— Обязательно станок? А тело пулемёта или щит нельзя? Они же легче.

Тут вмешался доселе молчавший замкомроты. Он сказал:

— До свидания, милое со-здание. Привет тому юмористу, который тебя сюда направил. А нам надо делом заниматься.

Вот тут-то меня и осенило.

— Хорошо, — говорю, — так и передам генерал-лейтенанту Поленову. Это он меня сюда послал. Иди, говорит, а я брякну. Не верите? Звоните ему сами. (Шутка ли: по такому пустяку самого командарма

беспокоить? Позвони-ка, по-пробуй. Ха-ха-ха!..)

Признаться, я нашего командарма и в глаза не видела. Только слышала, что генерал-лейтенант Поленов всем генералам генерал. И все его боятся. Уж так строг, так требователен, что и сказать нельзя. Солдат не обижает. Зато с командиров за самую малость шкуру спускает.

Смутились мои мучители. Стали шептаться. И позвонили не командарму, а начальнику курсов и ему напомнили о генерале Поленове. Не знаю, что ответил начальник, только командир роты всё ещё с кислой миной, но уже без прежней уверенности говорит мне:

— Да ты и пулемёта-то не знаешь...

— То есть как это не знаю, когда я ранена за пулемётом! Знаю. Что хотите спросите — отвечу.

А про себя: «Пронеси и помилуй! Только б не про задержки...»

Но ротный, не желая принимать меня всерьёз, незаметно подморгнул своему заму и подкинул несколько ехидно-провокационных вопросов:

— Где находится мизибирная пружина? Когда спусковая тяга на надульник наматывается? Какая деталь в пулемёте лишняя?

Я взмолилась:

— Товарищ капитан, честное слово, мне сейчас не до шуток! Лучше я вам расскажу...

Он отмахнулся хмуро. Шумно вздохнул. Не хотелось командиру роты меня принимать.

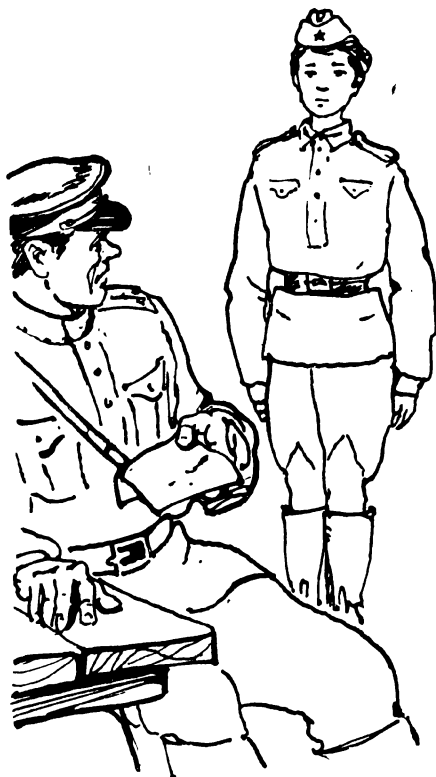
Ох как не хотелось! Его заместитель развёл руками: дескать, сие от нас не зависит. Он так резюмировал наши затнувшиеся переговоры:

— Чего хочет женщина — того хочет сам чёрт. Предупреждаем: ни поблажек, ни скидок, ни особых условий не будет. В случае жалобы на тебя или от тебя вылетишь пробкой туда, откуда свалилась на наши бедные головы. Ясно?

— Так точно! — гаркнула я, не помня себя от радости.

Так я стала курсантом. Сто мужчин и один Чижик.

Старшина нашей роты кадровик - сверхсрочник Нецветаев (плечи — косяя сажень, усы как у Буденного, грудь колесом) каждое утро кричал под окнами нашего взвода:

— Сорок с недоразумением, выходи на построение!

Сорок — это мои товарищи-курсанты. А «недоразумение» — это, по мнению товарища старшины, я. Он был абсолютно уверен, что никакого командира из меня не получится, что это просто блажь и пустая трата времени и казённых денег. Но всё-таки на всякий случай осторожный и требовательный службист почти каждый вечер после отбоя дрессировал меня на плацу, при луне.

— Смир-р-но! На плечо! К ноге! Довернуть приклад! Не заваливай штык — ты ж не баба! Раз тебе выпала мужская планида — мужчиной и будь...

...— **ДЛИННЫМ КОЛИ!**
Колю, колю, проклятого урода. Колю изо всех сил. Но штык безнадежно застревает в мокрой глине — туловище «фашиста». Ребята хохочут, физрук тоже смеётся. Впрочем, не обидно, а потому что, наверное, и в самом деле со стороны смешно. Он даже меня утешает:

— Ладно. Не горюй. Зачёт поставлю. Что с тебя взять, когда винтовка больше тебя. Ты же не стрелок, а пулемётчик, обойдёшься и без рукопашной. Ну уж, а коли и доведётся попасть в свалку, на то есть ловкость и пистолет.

...— **А ТЫ ХИ-И-ТРАЯ ПТА-**
ХА! — помкомвзвода глядит на меня долго, испытующе, как будто в первый раз видит. — Что ж ты молчала?

— О чём?
 — Да ведь ты награждена
 Красной Звездой!
 — Я?!
 — Нет, дядя.
 — А за что? Вы шутите, ко-
 нечно?
 — Да, мне больше и делать
 нечего, как только шуточки
 шутить.

На вечерней поверке меня поздравил сам капитан Бунчиков на построении всей роты. И только тогда я поверила, что это правда. Поверила, но искренне удивилась: где ж тут подвиг? Ну, стреляла из пулемёта. А что ж мне оставалось? Спрятаться в какой-нибудь яме и ждать, когда зарежут пьяные «психи»?.. Интересно, а Диму Яковлева наградили? Вот кто истинный герой. А Киселёв, командир миномётной батареи? На моих глазах огромный осколок перебил Киселёву руку в локте, и она держалась только на одном сухожилии. Он приказал мне: «Режь!» Я отказалась. Тогда он сам перочинным ножом перерезал сухожилие и отшвырнул половину руки прочь. А перевязанный продолжал управлять огнём, пока не упал от потери крови. Вот они — герои.

В тот же вечер я узнала, что остатки моей родной дивизии отозваны в глубокий тыл на переформировку. А я-то мечтала после курсов непременно вернуться в свой полк!.. Осиротела.

Ночью, укрывшись шинелью с головой, я долго плакала. Тихо, тихо, чтоб никто не услышал...

... — СЛУШАЙ приказ командарма генерал-лейтенанта Поленова!

«Звание младшего лейтенанта присваивается...»

Моя фамилия прозвучала в мужском роде столь неожиданно, что я растерялась. Да что он, капитан Бунчиков, смеётся, что ли, на прощанье?

Праздничное настроение было испорчено. С досады я не пошла на выпускной вечер, а чтобы меня не нашли, укрылась на кухне, в крошечной каморке повара дяди Лёши. Тут можно было и пожаловаться и даже всплакнуть. Дядя Лёша не выдаст. Он меня утешил. Погладил, как маленькую, по головке. Принёс огромную мясную кость.

— Поглодай-ка вот. Обойдётся.

Едва дождавшись подъёма, я побежала в штаб роты выяснять досадное недоразумение.

Капитан Бунчиков сказал:

— А что я могу сделать?

Ведь исправил-то твою фамилию сам командарм. Собственноручно. Понимаешь, собственной рукой! Чего ж ты расстраиваешься, ведь вы с генералом Поленовым старые друзья. Разберётесь.

— Да не знаю я его совсем, товарищ капитан!..

— Ах, вот что! Хм. Ну и проходимка!.. «Это он меня сюда направил...» — капитан захохотал, а отсмеявшись, воскликнул: — Честное слово, люблю таких! Ну, вот что. Сама кашу заварила, сама и расхлёбывай. По пути к месту назначения заверни в штаб армии, прорвись к генералу Поленову и во всём признайся откровенно. Ты — парень хват. Он таких любит. Найдёте общий язык, тем более что ты орденосец.

Не пошла я к генералу Поленову. Смалодушничала. Да и какие права у человека, которому ещё нет полных восемнадцати. Разозлится генерал и вообще никакого звания не даст...

Меня, как единственную женщину, направили в самую прославленную дивизию — 3-ю гвардейскую мотострелковую. Это в первый раз за всё время учёбы мне оказали преимущество перед сокурсниками.

МЕНЯ принял сам гвардейский комдив генерал-майор Акимов. Совершенно седой, дородный, строгий. Он был вооружён сразу двумя парами очков: одни вздыблены на густую шевелюру, другие на крупный породистый нос. Прочитал генерал мою бумаж-

ку, пристально на меня поглядел и спрашивает:

— Ну-с, и где же этот молодчик-пулемётчик?

Я даже растерялась и этот смиренненько отвечаю:

— Как же так, товарищ генерал-майор, разве не видите? Ведь это же я и есть.

Генерал нахмурился. Снова прочитал мою бумажку и опять воззрился на меня:

— Постой, постой, ведь тут же чёрным по белому сказано — мужчина! А ты... а вы, насколько я разбираюсь в медицине, женщины!..

— Да какая разница! Ведь это же просто опечатка.

Генерал вспыхнул:

— Пусть сам чёрт в этой опечатке разбирается! Ах, каналья! Прошу командиров, а они насмешки строят. Что у меня тут, детсад?

Так и не стала я гвардейцем. Поневоле пришлось явиться в штаб армии, раз попала в тупик.

НАЧАЛЬНИК армейских кадров добродушный полковник Вишняков смеялся совсем не по-стариковски: раскати́сто, заливи́сто и от всей ду́ши. А отсмеявшись и вытерев выступившие от смеха слёзы, сказал:

— Ну и бесёнок! Всех вокруг пальца обвела. Что ж теперь делать-то будем?

— Так дело-то моё выеденного яйца не стоит! Переделайте меня в женщину, только и всего.

Полковник усмехнулся:

— Ишь ты, шустрячка. «Переделайте!» Да ты и понятия не имеешь, кто утверждает приказы о присвоении офицерских званий. Лет-то тебе сколько? Только по-честному.

— А я всегда по-честному!

Полковник озорно мне подмигнул:

— Рассказывай сказки про белого бычка. Так сколько же?

— Много.

— А всё ж таки?

— Скоро будет восемнадцать.

— Как скоро?

— Через три с половиной месяца.

— Гм... Гм... Комсомолка?

— А то как же!

— Ну вот что, курносая. Вот тебе талоны в столовую. Иди и попитайся. А мы тут подумаем. Посоветуемся, что с тобой делать.

— Товарищ полковник, только, пожалуйста, не доклады-

вайте генералу Поленову. Ладно? Ужасно я его боюсь...

Полковник опять засмеялся:

— Доложил бы, и с удовольствием. Виталий Сергеевич обожает подобные казусы. Да жаль, нет его сейчас и ещё долго не будет.

— А где он?

— Любопытство — не порок, но... Уразумела?

— Так точно, товарищ полковник! Разрешите идти?

— Разрешаю. А ты молодец, однако. Выправка что надо...

Теперь, когда я узнала, что командарма Поленова нет на месте, я уж ничего не опасалась и надеялась на благополучное решение моей командирской судьбы. Но мытарства мои только начинались...

На прощанье полковник Вишняков по-отечески поцеловал меня в лоб, крепко тряхнул руку:

— Ну, благословляю! Иди. Воюй, как мужчина, оставаясь женщиной. А кем ты числишься в верхах, не всё ли тебе равно. Ведь так? Вот тебе новое направление.

— Только так, а не иначе! — Ух, гора с плеч. — Спасибо. Огромное спасибо!

...Через два дня я снова стояла перед полковником Вишняковым, едва сдерживая слёзы. Не приняла меня вторая по счёту дивизия, в которую он меня направил. Не приняла без объяснения причины. «Не надо нам!» — и всё тут.

А в третьей дивизии меня хотели засадить в штаб, бума-

ги подшивать. Сама отказалась. Наотрез.

На сей раз полковник Вишняков не смеялся.

— Что мне делать с тобой, несчастный взводный? Никак не могу тебя просватать,— сказал он с досадой.

Тут я взмолилась:

— Да не посылайте вы меня, ради бога, в те дивизии, которыми генералы командуют! Не нахожу я с ними общего языка.

И меня направили в сибирскую дивизию, которой командовал полковник Моисеевский, человек ещё молодой и без предрассудков. Приняли!..

— **БРАТЦЫ!** Что же это делается? Баба - командир! Пропали!..

— Да что б мы, сибиряки, да подчинялись бабе! Да ни в жизнь!

— Была б там баба. А то девчонка. Пигалица.

— Цыц, мазурики! Чего попусту глотки рвёте? Тут надо в аккурате. В самую плепорцию. По начальству. Пиши рапорты.

Бунт. Буря в стакане воды. Над «мазуриками» верховодит дед Бахвалов, самый старый пулемётчик в дивизии. Бывший чапаец. Таёжник-медвежатник. И сам похож на медведя. А борода — хоть граншею подметай.

Ко мне в землянку ввалился командир стрелковой роты старший лейтенант Рогов, человек пожилой, интеллигентный, славный. Бывший учитель.

Кивнув головой на дверь, спросил:

— Слышишь?

— Слышу. Не глухая.

Он подивился моему видимому спокойствию.

— Митингуют, как в гражданскую. Что ж ты мер-то не принимаешь?

— Да какие же тут могут быть меры, Евгений Петрович?

— Выйди. Рявкни. Покажи характер.

— Так мне же их всё равно не перекричать.

— По-твоему, это нормальное положение?

— Положение не нормальное. Реакция нормальная. Лучшего я и не ожидала. Вы бы видели, как меня принимало высокое начальство в трёх дивизиях... А с солдата взятки гладки.

— Да ведь можно в это дело комбата подключить и даже командира полка. Наказать одного-двух зачинщиков, чтоб другим было неповадно.

— Хорошенькое начало для командира,— невесело усмехнулась я.— А дальше что? Опять просить няньку?

— Так ведь надо же что-то делать, милая ты моя! Это же чёрт знает что такое! А что будет в наступлении?

— В наступление нам не завтра, Евгений Петрович. Обойдётся. Накричатся, напрыгаются и утихомятятся. Видите ли, я верю в железную силу приказа. Не дураки же они, в конце концов, поймут, что никаким способом им от меня не отбоярится. Привыкнут.

— Да, ты, пожалуй, права. Командира себе не выбирают. Какой достался, с таким и воюй. Их ведь тоже надо понять. Предшественник-то твой, Богдановских, был настоящий богатырь. Дорого продал жизнь: семерых уложил на месте. К тому же он их земляк. Они ему очень верили. Трудно тебе будет после Богдановских. Трудно, но не невозможно. Всё зависит от тебя самой. Как себя поставишь, так и будет.

— Я это знаю, Евгений Петрович.

— Ладно, — сказал Рогов. — Нет причины расстраиваться. Твои горлопаны дело своё знают. Пулемёты работают, как часы. В расчётах полный по-

рядок. Считай, что тебе хоть в этом повезло.

— А разве этого мало? Меня беспокоит дед Бахвалов. Что он за человек, хотелось бы знать?..

— О, старый кержак! Хитёр и умён. Влоб его не возьмёшь. Пулемётчик он отличный и лучший командир расчёта. Но, к сожалению, побазарить любит. Впрочем, есть и у него своя ахиллесова пята. Ужасно самолюбив. Даже спесив. Себе цену знает. Почёт и уважение ставит превыше всего. Ты это помни. Но как-нибудь при случае осади его остроумненько, без особой обиды. Поставь в неловкое положение. И увидишь, что будет.

— Ох, спасибо вам, дорогой Евгений Петрович. Не знаю, что бы и делала без вас.

— Ладно. Люди свои. Сочтёмся.

ПРОШЛО двое суток, и «мазурики» мои перестали митинговать. То ли устали, то ли устыдились. А может быть, и Евгений Петрович Рогов незаметно для меня их утихомирил. Но отношение моих подчинённых ко мне едва ли потеплело.

Евгений Петрович по-прежнему относился ко мне дружески, с неназойливым покровительством. Его командиры взводов, славные парни, сразу же встали со мною на дружескую ногу. Им и дела не было до того, что я существо иного пола.

У меня четыре пулемётных отделения. Три на обороне. Четвёртое — в боевом охранении, на опушке, в рощице с символическим названием «Прометей». Все свои огневые точки я обхожу по нескольку раз в сутки. Днём брожу одна. Ночью в сопровождении кого-либо из своих солдат. Так Евгений Петрович приказал. Оборона довольно спокойная, и даже как-то не верится, что в четырёхстах метрах, а местами и ближе — враг.

Нейтральная полоса — болото. И даже не болото, а, как говорят, заболоченное длинное и узкое озерко: белое, запорошённое поле с серыми метёлками камышей, торчащими из-под снега.

Когда я иду по траншее, мне не приходится нагибаться — высокий заснеженный бруствер вздымается выше головы и надёжно укрывает от взоров противника. Под валенками вкусно поскрипывает свежесвыпавший снежок, мелкие порошинки кажутся бусинками чёрного блестящего бисера. Морозно и солнечно. Над тыловой стенкой траншеи поскрипывают и кряхтят, точно жалуясь, израненные берёзы.

Солдаты-стрелки с очень серьёзными лицами отдают мне честь. Часовые форсисто салютуют по-ефрейторски, выбрасывая рывком винтовку сначала вперёд, потом вправо на откинутую руку.

Обход я начинаю с дзота сержанта Нафилкова, потом пробираюсь в капонир к Лукину. Деда Бахвалова оставляю «на закуску».

Нафилков — татарин. Красивый парнишка. Лицо круглое, чистое, глаза большие, синие, ясные.

Разговор каждый раз идёт по шаблону. Нафилков подаёт команду:

— Встать! Смирно!

— Всё в порядке?

— Так точно!

— Ели?

— Так точно!

— Почту получили?

— Так точно!

— Курево?

— Есть, товарищ младший лейтенант.

— Пулемёт?

— Исправный.

— Сколько за ночь израсходовали?

— Пять лент, товарищ командир!

Пока мы ведём «разговор», солдаты стоят ко мне спиной и ни звука. Досадища. Я открываю короб пулемёта, про-

вожу бинтиком по раме, по замку. Потом стреляю. Придаться не к чему.

То же самое у сержанта Лукина, с некоторыми вариациями. Я его почти всегда застаю спящим. Глаза у бедного заплыли от неумеренного сна. И весь он какой-то квёлый, равнодушный, точно ему и не двадцать лет, а все пятьдесят с гаком. И грязный он донельзя. Круглые ноздри черны от копоти. Шея, как голенище.

— Выйдемте-ка на улицу, товарищ сержант.

— Что изволите, товарищ младший лейтенант?

Вместо ответа я молча протягиваю ему круглое солдатское зеркальце. Парень машинально разглядывает своё лицо и вздыхает...

— Ну что? — спрашиваю.

— А ничего. Медведь век не мылся...

— Что там медведь, какой у него век. Вот внук Чингисхана Батый всю жизнь не умывался. Он считал, что смывать с лица грязь — значит уничтожать богом данную красоту. Ему, что ли, подражаете?

— Так ведь холодно, товарищ командир!

— Нежности телячьи.

— Да у меня от снега кожа перхается...

— А от грязи чирьи насядут. Вот что, сержант, мне противно на вас смотреть. Честное слово, противно. А ведь и парень-то вроде бы ничего... если отмыть хорошенько.

У деда Бахвалова картина другая. В первое же моё посещение, едва завидев меня, на-

ружный часовой рывком распахнул дверь в дзот и крикнул внутрь:

— Шухер! Бог командиршу несёт...

Никакой команды «встать», никакого рапорта. Хмурые, натянутые лица, глаза, опущенные долу.

Я подняла с земляного пола две замызганные игральные карты и протянула деду Бахвалову:

— Возьмите, Василий Федотыч, этак можно всю колоду растерять. Где тут другую достанешь...

Старый пулемётчик с досады крикнул. Попытался оправдаться:

— Мы ж не на деньги, а в «козелка». Кому от этого вред?

Я махнула рукой:

— Об этом как-нибудь потом.

Дзот просторный, трёхамбразурный. Две боковые — закрыты изнутри деревянными щитами. В фронтальную высунул тупое рыло пулемёт. Он стоит на столе из толстых берёзовых плах. И на его ребристый кожух напялена самая настоящая кальсонина и даже с завязками. Над амбразурой за верхний край прибита плащпалатка. Она складками спускается до самого пола, укрывает пулемёт, чтоб через амбразуру свет наружу не пробивался.

В банке из-под американских консервов плавает крошечный фитилёк. Он коптит гораздо больше, чем даёт света. По запаху я определяю, что вместо бензина дед истребляет

щёлочь, которой чистят оружие.

В дзоте накурено до умопомрачения. Но чисто и хозяйственно. Ближе к входу по обеим стенам двухъярусные нары, аккуратно застланные плащпалатками. В самодельной пирамиде — автоматы, над автоматами каски, противогазы. В нише изрядный запас гранат. В другой, большего размера, на подстилке из ёлочных лап — аккуратные ряды коробок слентами. Справа у самой двери печка-бочка. На печке выдраенные до блеска котелки. Пол плотно утрамбован и заметён, как у радивой хозяйки хата. Молодец дед. Но...

— Почему не залита охлаждающая жидкость?

— А на кой ляд её заливать заранее? Ещё замёрзнет.

— Так ведь она незамерзающая! Антифриз.

— Это только так говорится. А залей и, как на грех, замёрзнет. Вот товарищ лейтенант Богдановских бывалочи...

Ах ты, старая борода! Нарочно, что ли, меня дразнит, по десять раз на дню вспоминая погибшего своего командира.

— Товарищ сержант, проводите!

— Это в силу чего? Товарищ лейтенант Богдановских завсегда...

— Выйдемте, вам говорят! Разговор есть. Секретный.

— Так бы сразу и сказывали...

Нет уж, чапаевец. Хоть ты и лучший пулемётчик дивизии, но я тебе не уступлю. Разве что в самых незначительных

мелочах. И последнее слово будет за мной, а не за тобой.

На улице дед Бахвалов рта мне не дал раскрыть. Прямо за порогом выпалил:

— Хоть ты и взводный командир, но я тебе скажу. Нравится или не нравится, а я привык матку-правду в глаза резать. Слушай сюда. На фронте от женщины только вред и беспорядок. И будь на то моя воля, я бы вашего брата и близко к переднему краю не подпустил!

Мне показалось, что часовой хихикнул. Отойдя подальше от дзота, я зашипела деду в самую бороду:

— А я вам, Василий Федотыч, на вашу «правду» тоже скажу: «Бодливой корове бог рог не дал!» Так ведь?

— Так-то оно так. Но и комолая корова может козыряться. Не рогами, так лбом.

— Оставим. Беспредметный разговор. Вот что, сержант товарищ Бахвалов. Как человека вы меня можете не любить сколько угодно. Можете не уважать, как женщину, по своей малой культуре...

— Это как же понимать — «по малой по культуре»?

— Не перебивайте! Но мое офицерское звание, мою долж-

ность вы обязаны уважать! Понятно? Предупреждаю: если вы ещё раз так встретите своего командира, как сегодня...

— Жалиться побежите?

— Не знаю. Но меры приму. Понятно? Я не из уступчивых. Можете быть свободны.

— Так я ж про что...

— Ступайте! Не хочу с вами сегодня больше разговаривать. Хватит с меня.

Дед, кажется, ушёл разобиженным. Ничего, старый упрямец. Переживёшь.

Из колена траншеи вынырнул мой коллега — командир первого пулемётного взвода Федор Рублёв, большой, румяный, улыбчивый.

— Слушай, что это ты шипишь, как разъярённая кобра? — шутливо спросил он.

— Так, отношения выясняли с сержантом Бахваловым. Ты как у нас оказался?

— На партучёбу иду. Тут ближе. Слушай, махнём не глядя? Я тебе за твоего деда двоих отдам! А?

— Иди ты к лешему, цыган этакий.

Федор захохотал. И неожиданно чмокнул меня холодными губами в щеку и убежал. Вот озорник.

(Окончание следует)

1.

У нас ещё не было телевизионной программки, но у нас уже был телевизор.

Мы купили его на прошлой неделе и, едва внесли в дом, сели вокруг и стали смотреть.

Скажу сразу: нам повезло. Какой-то майор милиции обращался к гражданам с просьбой разыскать преступника, которого он и его коллеги разыскать не могли.

Далее шли приметы преступника.

— Бери карандаш и записывай, — сказал отец. — Я оставил очки на работе.

— Зачем записывать? — спросил я.

— Мало ли что...

Я взял карандаш.

Судя по всему, майора интересовал человек среднего роста, которому недавно перевалило за сорок, у которого была небольшая лысина и который прихрамывал на левую ногу. Кроме того, у этого человека был чёрный средних размеров чемодан, он плохо выговаривал букву «ц» и некоторое время жил в городе Нальчике.

— Записал? — спросил отец.

— Записал, — сказал я.

И мы вышли на улицу.

— Начать, пожалуй, надо со станции, — сказал отец. — Уж если он выбрал наш город, то...

— Верно, — сказал я.

Но ни в зале ожидания, ни у кассы ничего подозрительного мы не заметили: кто спал на лавках, а кто на мешках.

— Надо зайти в буфет, — сказал отец. — Уж если он выбрал наш город...

Отец не договорил.

Мы зашли в буфет.

А потом, будто бы между прочим, мы постояли в очереди в парикмахерскую, но человека, которым интересовался майор, так в тот вечер и не нашли.

— Может, подключить ещё кого-нибудь? — спросил я.

— Не надо, — сказал отец. — Всё равно, рано или поздно, он нам попадётся...

И мы вернулись домой, спрятав до времени бумажку с приметами.

2.

А через две недели к нам приехал друг отца, которого он не видел много лет, и я сразу заметил, что он хром на левую ногу.

После того как они с отцом обнялись, я отвёл отца в сторону и негромко сказал:

— Заметил?

— Что? — спросил отец.

— Он хромает на левую ногу.

— На левую?

— На левую, — подтвердил я.

Надо сказать прямо, отец к этому времени уже забыл о просьбе майора, так как надвигался квартальный отчёт, а мой отец, как вы уже поняли, был бухгалтером, а не оперативным работником. Но тут и он вспомнил о бумажке, сказал негромко:

— Принеси...

И стал разговаривать с другом дальше.

Скоро я незаметно положил бумажку на стол перед отцом.

Первой приметой, как вы помните, был возраст.

— Да-а... — сказал отец, заглядывая в бумажку, — давненько мы с тобой не виделись...

— Давненько, — сказал друг.

— Сколько же тебе теперь лет? — спросил отец.

— Да ты что? — спросил друг. — Если тебе сорок четыре, то легко высчитать, сколько мне: нужно отнять два...

Мы с отцом переглянулись, потому что первая примета сходилась. Мне, конечно, было немного жаль папиного друга, но я ничего не мог поделать.

Следующим пунктом в вопроснике шла лысина.

Отец решительно поднялся из-за стола, сказал другу, который ел:

— Сиди, сиди...

Подошёл и молча поцеловал в лысину.

Лысина была.

Друг вытер её платком.

Тогда и я повнимательней пригляделся и увидел, что, даже сидя, он был среднего роста.

Третья примета тоже сходилась.

— А почему вы хромаете? — спросил я.

— Ушибся, — коротко ответил друг.

Мы с отцом снова переглянулись, и отец весь дальнейший разговор перевёл на букву «ц».

— Ты давно был в цирке? — спросил он.

— Да нет, недавно, — сказал друг.

— А в Цхалтубо?

— Что? — спросил друг.

— Я спрашиваю, был ли ты в Цхалтубо?...

— Нет, — сказал друг, — никогда там не был.

— А в Нальчике? — замирая, спросил я.

— В Нальчике? Был.

Мы с отцом опять переглянулись, потому что город Нальчик был в приметах, и отец снова нажал на букву «ц».

— Как там с цитрусовыми? — спросил он.

— Где? — спросил друг.

— В Нальчике.

— Ничего, — сказал друг.

— Целебная штука эти цитрусовые, — пояснил отец и добавил для полной ясности: — Особенно ценная цедра...

— Да, — сказал друг, явно избегая произносить слова на букву «ц».

— А с ценами как? — спросил отец.

— Смотря на что, — сказал друг.

— Да на цитрусовые! — сказал отец.

— Ничего, — сказал друг. — Хотя, конечно, могли быть и поменьше.

Тут они ещё выпили по чашке чая, и отец сказал:

— Ну, а цикады... цикают?

— Где? — удивился друг.

— В Цхалтубо!

— Да откуда я знаю? — ответил друг. — Может, да, а может, нет.

Я вышел в прихожую, зажёл свет и бегло осмотрел чемодан. Он был среднего размера и чёрный.

Когда я снова вошёл в комнату, разговор шёл уже о цистерне, циркуле и циркульной пиле, но папин друг ничего с буквой «ц» упорно не произносил.

Тогда я решил вмешаться и сказал:

— Играем в слова. Я произношу слово, а вы придумываете новое на ту букву, которая... Короче...

— Знаю, — оживился друг. — Однажды всю ночь я играл в такую игру в поезде...

— Ну, начали, — сказал я.

— Цивилизация! — сказал отец.

— Яблоко! — сказал друг.

— Оппосум! — сказал я.

— Кто это? — спросил отец.

— Неважно, — сказал друг.

— Мука, — сказал отец.

— Акванавт, — ответил друг.

— Тэц, — сказал я, и мы с отцом замерли, но друг молчал, и мы поняли, что на этой игре папиного друга не поймашь.

— Цидулька, — со вздохом сказал отец.

Тогда мы ещё выпили по кружке чая, и друг стал прощаться.

— Нет, нет, — говорил он, — не хочу вас стеснять. Я приехал сюда на две недели и остановлюсь в «Доме крестьянина»...

— А зачем ты приехал? — спросил отец.

— Командировка, — коротко ответил приятель.

Когда он ушел, мы ещё раз проверили приметы, и все приметы, кроме «ц», сходились, но мы были уверены: построй мы разговор более ловко — он попался бы на первом же «ц».

Некоторое время отец молчал, раздумывая о чём-то своём.

— А ведь мы с ним дружили в детстве, — наконец сказал он.

— А теперь разве не дружите? — спросил я.

— Нельзя сказать, что не дружим, просто я не одобряю тот образ жизни, который он ведёт. Смешно, но я даже не знаю, где он работает. Он самый непутёвый из всех моих друзей...

— А ты бы спросил его, — сказал я.

— Это не тот человек, который скажет... И потом, достаточно того, что знаю я...

И отец рассказал мне некоторые страницы из биографии своего друга. Особенно мне понравилось то, что тот любил изобретать никому не нужные вещи: замки с секретом (один такой замок отец достал, и мы долго возились, не зная, как его открыть); ещё он конструировал какие-то особые карабины: если к такому карабину прикрепить собаку, собака никуда с поводка не денется; и ещё он изобретал трамплины...

— Какие трамплины? — спросил я.

— Не знаю, — ответил отец. — Вероятно, с которых прыгают, но я ещё ни разу не видел, чтоб с них прыгали... В общем, растративал он свой талант неизвестно на что, — закончил отец.

И когда он это сказал, мне стало вдруг очень жаль папиного приятеля. И я предложил отцу подбросить незаметно записку его приятелю (от неизвестного доброжелателя), в которой было бы сказано, что за папиным другом следят, что городским властям всё про него известно и если он дорожит своей жизнью, пусть немедленно гримируется и бежит.

— Да, — сказал отец, — это единственно правильное решение. Пиши записку, отнеси её, а я будто бы ничего не буду знать... это так, на всякий случай...

И я в тот же день написал записку и понёс её в «Дом крестьянина».

— Ты куда, мальчик? — спросила меня дежурная, сидевшая возле тумбочки у самого входа.

— У вас сегодня, — сказал я, — остановился Максим Максимович Пирогов. Мне нужно передать ему... — я чуть не сказал «записку», но вовремя остановился и, чтобы не возбуждать подозрения, закончил: — Передать привет...

Женщина отложила вязание, взяла канцелярскую книгу и стала водить пальцем по строчкам, отыскивая папиного друга.

— В двойных номерах его нет, — сказала она.

— И в многоместных, — сказала она спустя некоторое время, — тоже.

— А где же он? — оторопело спросил я.

— Не знаю, — сказала она.

Мы внимательно посмотрели друг на друга, и я вышел из «Дома крестьянина».

В тот же вечер мы с отцом долго не ложились спать.

— Вероятно, он понял, — говорил отец, — что все эти наши расспросы означают, и принял свои

меры. Это очень хорошо, что так получилось: с одной стороны, мы выполнили свой гражданский долг, пытались помочь майору, с другой — вольно или невольно, я полагаю, невольно, предупредили моего приятеля. Можешь, Митя, спокойно спать, наша совесть чиста.

И мы улеглись спать, и всю ночь мне снилась погоня, и я во сне перебирал ногами; отцу, как потом выяснилось, снилось то же.

3.

А утром за завтраком как ни в чём не бывало к нам вошёл папин друг, положил на стол два билета и тоже принялся наливать себе кофе.

— Что это? Значит, ты не уехал? — спросил отец.

— Нет, — сказал друг. — Хотя после вчерашней встречи и подумывал, не уехать ли.

Отец молча и решительно отодвинул билеты от себя.

— Максим, — сказал он, — давай поговорим серьёзно. Мы не можем идти туда, куда ты нас зовёшь. Ребенок должен заканчивать школу, а у меня, извини, есть работа, и я не могу так просто бросать коллектив...

Сослепу отец решил, что это билеты на поезд и что друг предлагает нам бежать вместе с ним.

— Да работай, где ты работаешь, — сказал друг. — Всё это произойдёт во внерабочее время...

— Что ты имеешь в виду? — спросил отец.

— Билеты, — ответил друг.

— И ты не хочешь начать новую жизнь? — спросил отец.

— Поздно, — сказал друг.

— Тебя даже не останавливает, что твоя, с позволения сказать, работа сопряжена... э-э... с определённым риском?..

— Нет, — сказал друг. — Я не знаю работы, которая не была бы сопряжена с определённым риском...

— Я знаю такую работу, — возразил отец. — В детстве ты мечтал стать пекарем...

— Ты думаешь, о булочки нельзя сломать зубы?..

— Мне очень жаль, — сказал отец.

— Мне тоже, — сказал друг.

И на некоторое время в комнате воцарилась тишина.

И тут папин друг задал нам вопрос, который, признаться, нас здорово удивил. Он спросил, откуда мы знаем про его работу и почему так настроены против неё.

— Мы знаем из телевизора, — ответил я. — Вам была посвящена целая передача.

— Мне?! — не поверил друг.

— Вам, — сказал я.

Я не хотел так сразу говорить ему про майора.

— Ну что ж, тем лучше, — сказал папин друг. — Значит, мне не нужно держать свою работу в секрете...

— Разумеется, — ответил отец. — Тем более, что об этом секрете знает весь город... Но что ты делал... в тот свой период... в Нальчике?

— Работал в цирке, — сказал друг.

— Где? — спросил отец.

— В цирке.

Мы с отцом вздрогнули, потому что букву «ц» папин друг произнёс абсолютно чётко.

— Но ты ведь раньше, насколько я знаю, работал в Вышнем Волочке на мясокомбинате? — сказал отец.

— Я оттуда ушёл.

— И прямо в цирк?

— Да.

Отец посмотрел на меня.

— А что ты делал в цирке?..

— Что значит делал? — удивился друг. — Я и сейчас делаю: все эти лонжи, перши, трамплины для всех этих жонглёров, гимнастов, акробатов, и все эти шляпы, в которых исчезают кролики, и все эти ящики, в которых распиливают человека, а потом он выходит оттуда живой и невредимый.. Можете, кстати, взглянуть на мой чемодан...

Я побежал в прихожую и взглянул на чемодан, и только теперь, при более тщательном осмот-

ре, заметил маленькую серебряную дощечку (она приютилась в самом углу чемодана), на которой было написано: «М. М. Пирогову от человека, которого так и не распилили».

— А где ты провёл эту ночь? — смущённо спросил отец.

— В фургоне. А в чём вы меня, собственно говоря, подозреваете?

— Мы?! — сказал отец.

— У нас передвижной цирк, и я провёл эту ночь в фургоне.

Отец почесал у себя за ухом, взял билеты и, естественно, увидел, что это билеты в цирк.

— Когда вы выступаете? — спросил он.

— Сегодня, — сердито ответил друг. — Весь город заклеен афишами, которые извещают, что мы выступаем в вашем парке отдыха сегодня...

С этими словами друг взял шляпу и ушёл.

Минут двадцать мы сидели молча. Наконец отец сказал:

— Митя, сходи к Василию Герасимовичу и попроси у него старую программку... да не про цирк, а про телевидение...

Я пошёл за программкой и принёс отцу.

Некоторое время он внимательно и пристально изучал её, потом что-то отчеркнул в программке ногтём.

— Ты не помнишь, — спросил он, — когда мы с тобой включились: с самого начала передачи или к концу?

— По-моему, — сказал я, — к концу.

Отец молча протянул мне программку и сказал:

— Читай...

И я увидел строчки, подчёркнутые отцовским ногтём.

Это была премьера телевизионного спектакля «Разыскивается по приметам». А майор, который обращался к гражданам, был не настоящим майором (это нам потом объяснил сосед Василий Герасимович). И мы включились как

раз в тот момент, когда майор произносил свой внутренний монолог, то есть разговаривал сам с собой.

— Митя, — сказал отец, — отнеси обратно газету...

И я отнёс газету, а потом мы пошли в цирк.

После представления папин друг пригласил нас в свой фургон, и мы увидели, что там у него целая мастерская, и друг объяснил, что от качества и надёжности всех этих штучек зависит красота номера и безопасность артиста и что хорошая конструкция — это уже половина номера...

Мы выслушали всё молча и так же молча отправились к себе.

Поздно вечером отец сел составлять какую-то записку.

— Что ты пишешь? — спросил я.

— Записку, — ответил он и добавил: — С извинениями. Завтра утром я вручу её своему другу.

— А почему ты не хочешь сделать это устно?

— Я стесняюсь, — сказал отец.

Утром он отдал записку своему другу. И после всей этой истории мы полгода не решались смотреть телевизор.

Голландия.

(Из путевого блокнота)

Рисунки В. Адаева

ЧЕЛОВЕК И ВОДА

Мы удаляемся от большой воды Зюйдерзее, — таково привычное название залива, вдавшегося в Голландию, — но нигде, ни на минуту не теряем из виду воду малую, воду озёр, прудов, каналов. Земля с виду ненадёжная, зыбкая. Квадраты полей — словно плавающие ковры. На каналах стоят мельницы. Они хоть и ветряные, но каким-то образом связаны с водой.

— Вы думаете, они мелют зерно? — улыбается мой друг Герард. — Это наши водокачки. Защищают нас...

Вода в солнечный день голубая, смиренная, опасность неощутима. А между тем Голландия — корабль, воюющий с бесконечной бурей. С доисторических времён палуба-суша понижается, море атакует. Зюйдерзее не что иное, как огромная пробоина, прорыв стихии, унёсшей множество жизней.

В борьбе с ней росли и мужали поколения. Фризы — предки нынешних голландцев — приносили жертвы воде, но не выпускали из рук лопаты, рыли каналы, возводили валы, на насыпанном приподнятом грунте ставили свайные дома. Римлянин Плиний Старший с недоумением писал о смельчаках: «Не знаешь, земля служит им обиталищем или вода».

Фризы соорудили первые польдеры — участки земли, отвоёванные у моря, обнесённые преградами, осушенные с помощью канав, отводящих воду. Но до нашего века счёт смертельного матча был в пользу воды. Жестокая штормовая осень уничтожила труд десятилетий, как случилось в 1300 году, когда море размыло узкую перемычку, отделявшую его от озера Флево. Тогда-то и образовалось Зюйдерзее.

Вряд ли найдётся другая страна, очертания которой так сильно и безостановочно меняются в ходе поединка между человеком и водой.

На современных картах уже нет Зюйдерзее. Прямая, жирная черта отсекает его от Северного моря. Пролом заделан, залив скован двадцатикилометровой дамбой, и водное пространство, ныне замкнутое, уже не «зее» — море, а «меер» — озеро. «Эйселмеер», — сообщает карта. Прибрежные дома на бывшем острове Маркен, стоявшие на сваях, уже обрели нижние этажи — первый признак того, что угроза наводнения отодвинулась. Придёт время — исчезнут с карты и контуры Маркена — полуострова. Деревья окажутся в глубине материка. Под прикрытием дамбы можно уверенно создавать польдеры, наращивать сушу.

Идея осушки Зюйдерзее зародилась в голове безвестного конторского служащего Корнелиуса Лели в конце прошлого века. Гигант ста восьми килограммов весом, как указывают голландские биографы, точные во всём, он томился на своей службе за мелкими расчётами и проектами по заказам фермеров и заводчиков. Велик ли толк от хрупких сооружений? Разве удержат они высокую, взбитую ветром приливную волну! Зюйдерзее надо загородить и выкачать насосами.

Проект грандиозный, дерзкий! Поговаривали, что Лели сошёл с ума. Но богатый обладал не только могучим талантом. От отцов и дедов, оборонявших свою землю, он унаследовал и спокойное упорство, столь характерное для голландцев. Только в 1918 году проект был одобрен. Работы подвигались медленно. Во время экономических кризисов экскаваторы и землесосы застывали надолго. Лели не дожил трёх лет до завершения дамбы. Её открыли в 1932 году и отдали должное замечательному инженеру: первый же польдер, примыкающий к мощной преграде, назвали его именем.

Юное озеро Эйсел постепенно уменьшается. Десятки тысяч гектаров уже осушены. Бывший островок стал холмиком на ровном поле, покрывается ржавчиной старинная пушка, некогда извещавшая о нашествии воды.

Голландская пословица говорит: «Бог сотворил землю для всех, кроме нас». Польдер требует громадного труда. Земснаряды возводят в озере вал, затем год и другой пыhtят насосные станции, освобождая изолированный участок от воды. Обнажается топкое дно. Его вспарывают траншеями, чтобы скорее просохло, и всё же затвердевает оно только через два-три года. Но пахать ещё не время, — надо ещё промывать почву, удалить морскую соль, а потом разрыхлить и удобрить.

Уже немало урожаев снято на первых польдерах жителями новых селений, но насосы не прекращают работу, в дренажных трубах клокочет вода. Влага здесь избыток, испаряется лишь половина того, что выливают дождевые тучи.

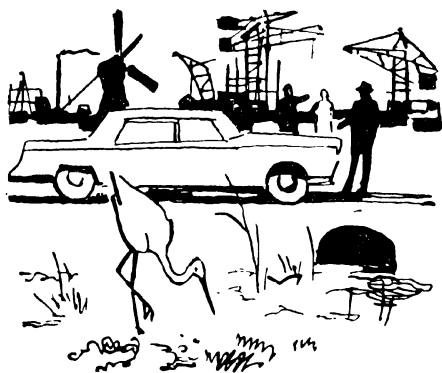
Недавно голландцы подвели итог: из шестисот тысяч гектаров, отнятых морем за столетия, возвращено пятьсот семьдесят тысяч, главным образом в последние годы. Значит, счёт борьбы ныне — в пользу человека. Подсчитано, что труда для укрощения Северного моря затрачено в сто раз больше, чем на постройку Суэцкого канала.

Осада прорвана, но не снята. Море пытается взять реванш. Отражённое дамбой Лели, оно в 1953 году ринулось в наступление южнее, на острова провинции Зеландия, одолело береговые валы, затопило сто тридцать три города и деревни. Тысяча восьмьсот человек лишились жизни.

Нет, праздновать победу ещё рано. Нация по-прежнему на тревожной вахте.

Дай воде волю — и она зальёт всю «палубу» страны-корабля, всю приморскую часть, на которой живёт больше половины голландцев.

Помню, в детстве мне попала книга американской писательницы Мэри Додж «Серебряные коньки». Меня восхищал храбрый мальчик,

спасший свой край от наводнения. Он первый заметил течь в плотине, припал к отверстию и сунул туда пальцы. А волны лезли на насыпь и грозили его поглотить. Этому выдуманному мальчику в Голландии поставлен памятник. Здешние ребята хотят верить, должны верить, что мальчик был. Необходимость защиты страны от стихии внушается с детства как первейший гражданский долг. «Общество охраны и улучшения дамб и каналов» основано в шестнадцатом столетии, но его не назовёшь пережитком стари-

ны. Оно и теперь охватывает почти всех жителей.

До сих пор действует закон, обязывающий каждого отбивать натиск моря, не щадя сил. Кто увидел прорыв, пусть самый ничтожный, и прошёл мимо, — тот преступник и подлежит суду. Впрочем, таких казусов не бывало.

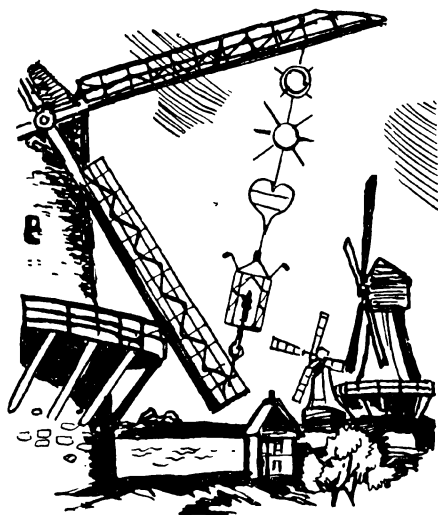
Собираясь в Голландию, я много читал о замечательном, всенародном сопротивлении морю, но странное дело — всё это как-то забылось здесь в ясный, тихий день. Дозорные — как живые, так и механические — не бросаются в глаза. На зеркало канала опущен крохотный поплавок. Он соединён с меленкой, ярко выкрашенной, будто игрушечной. Стоит воде подняться выше нормы — и меленка, получив электрический импульс, бешено закрутится, подавая людям сигнал. Задача больших мельниц, насосных станций, дренажных труб, шлюзов — регулировать обширное, сложное водное хозяйство. Где излишек — там убавить, выбросить в море или перекачать, добавить там, где воды не хватает.

Работа гигантская, и в то же время неприметная, кропотливая, скромная...

Когда машина выносит нас к морю, к песчаному пляжу с курортными строениями, я не сразу различаю передний край обороны, главную линию укреплений. Она сливается с дюнами и лишь местами пока-

зывает свой зубчатый гребень. Частокол мощных свай, усиленных бетоном, камнями, всюду противостоит морскому прибою, тянется к берегам рек — Рейна, Мааса по всем протокам их дельты, широко раскинувшейся дельты, а также по Шельде, пересекающей Голландию южнее. Ведь реки вздуваются, задержанные встречным ветром, и становятся опасными.

Где солёная вода, а где пресная? Рисунок вод и суши сложен. Мы только что миновали коврик пастбища, стадо коров у пруда и катим к причалу, мимо морских грузовозов. Под нами то польдер, то дамба, то мост. Там водная гладь распахивается, сло-

вно раздвигая здания, подъемные краны, фабричные трубы, здесь вода исчезает под шеренгой барж в тесных берегах, при давлена многоэтажным промышленным корпусом, который влез в резервуар, ступил в него своими опорами, будто от нестерпимой жажды.

Вот облако набегаёт на солнце, вода перестаёт улыбаться, мирный канал блеснул, как стальной клинок...

— Вы, наверно, слышали, — говорит Герард, — есть план «Дельта». Очень хороший план.

А выполняется плохо. Вообще, хвалить нас не нужно, мы мало сделали.

План «Дельта» касается Зеландии, потерпевшей от страшного наводнения. Катастрофа и заставила взяться за дело. Тамошние острова — аванпосты суши — надо соединить дамбами, оградить весь архипелаг и побережье от произвола моря. Лели мог лишь мечтать об этом, — глубины там во много раз больше, чем на Зюйдерзее. Перемычки и шлюзовые ворота для прохода судов строятся исполинские, высотой в десятки метров. Однако современной технике работа вполне по плечу. И Герард имеет все основания быть недовольным. Беда в том, что масса средств уходит на вооружение. Голландия втянута в НАТО — в сговор с американскими войсками. Им нет дела до стройки в Зеландии. Им подавай военные гавани, аэродромы, казармы, подавай солдат. Голландцы платят из своих кошельков. А что получают взамен? Угрозу двойную! Не только бедствия войны подстерегают их, но и опасность наводнений, всё ещё не согнанная с порога.

— О, если бы мы могли трудиться для себя! — вздыхает Герард. Тогда, полагает он, битва с морем была бы завершена в ближайшие десять-пятнадцать лет, а не в будущем столетии, как обещает правительство.

— Народ, конечно, протестует, но... Кстати, вы увидите сами. Вечером, на обратном пути...

— Неизвестно, — отозвалась Марта.

— Ну, почему же, — возразил Герард. — Он же выиграл процесс.

— Мало ли что! Я слышала...

Загадочный разговор обрывался, и я так и не узнал, что же мне надлежит увидеть. Перед нами возник

СТЕКЛЯННЫЙ ГОРОД

Мы вышли из машины. Неприятное мельканье виадуков, мельниц, мачт, бетонных корпусов утомило меня.

За кюветом бродит по кочкам цапля, не обращая на нас никакого внимания. Не из жа-

лости ли оставили ей клочок болота? Дальше земля осушена, поля простираются до самых стен стеклянного города. Голубоватый, лёгкий, — цвета неба, воды в канале, — он кажется почти нереальным.

Улицы, переулки стеклянных зданий. В центре, будто ратуша, возвышается громадный куб с выгнутой крышей. Но есть и другие постройки, каменные, приземистые — видимо, склады. В воскресный день город безлюден. Лишь кое-где за стеклом — смутные человеческие фигуры.

— Цветы, — говорит Герард.

В мае ковры-польдеры вокруг города заблещут всеми возможными в природе красками. Автобусы будут привозить толпы туристов любоваться тюльпанами, драгоценной голландской цветочной нивой. Сейчас лицо индустрии цветов — будничное, не для показа. Поля с зимующими луковичками ещё черны, кажутся заброшенными. А цветы январские едва различимы через стекло оранжерей. Посетителей там не очень жалуют. Голландские селекционеры тюльпанов, так же как художники и закройщики в парижских домах моделей, работают в секрете. Ведь того и гляди фирма-конкурент перехватит находку, вынесет на рынок!

Как же получилось, что страна у Северного моря, исхлётанная приливами, студёными ветрами, прославилась на весь мир своим цветоводством?

Давным-давно плавал на корабле матрос — парень красивый, но бедный. И осмелился он полюбить ясноглазую, златовласую дочь капитана. Разгневанный отец запер девицу в каюте, а матроса выгнал. Только и успел он захватить, что медную кружку, ложку да луковичку тюльпана — дивного цветка из далёких краев. Поселился он на польдере, посадил луковичку, томимый одним желанием — вырастить тюльпан столь же прекрасный, как его любимая. Сила любви велика, учит легенда. Всех поразил невиданный цветок.

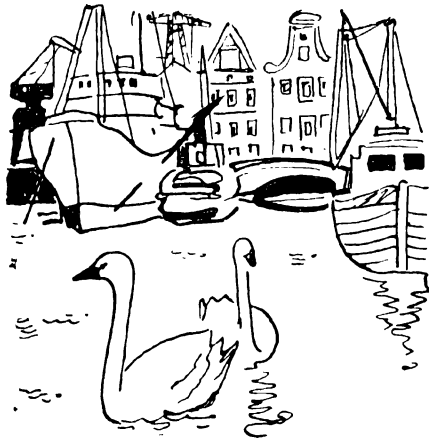
Герард, поведавший мне легенду, лукаво подмигнул. Нынче никакой капитан не откажется выдать дочь за владельца, скажем, вот этих оранжерей и плантаций...

А если обратиться к фактам? Тюльпан холодостоек, не капризен. Родина его — Турция, Индия, но влажные польдеры ему пришлись по вкусу. Первые луковички, привезённые сюда в шестнадцатом веке, дали отличный урожай. Тюльпаны стали украшением дворцов, усадеб, купеческих особняков. Наступила тюльпанная лихорадка. Луковичка нового сорта, как крупный бриллиант, составляла огромное богатство.

Баржа с зерном, два вола, две овцы, пять свиней, две бочки масла, тысяча фунтов сыра, четыре бочонка пива, два меха с вином, кровать, одежда, серебряная кружка. Это цена одной луковички, приведённая в документе трёхсотлетней давности. Похоже, человек отдал всё своё хозяйство. Нередко коммерция обрывалась и ударом кинжала, пуль из мушкета.

Нельзя сказать, что страсти затихли. Теперь в зале аукциона десятки глаз прикованы к стрелке, медленно движущейся по большому циферблату. Служители вкатывают на тележках цветы — образцы партии тюльпанов, предлагаемой покупателям. На скамьях — оптовики, хозяева крупнейших магазинов. Перед каждым на столе — кнопка. Задумал свою цену, — не зевай, жми кнопку, как только стрелка достигнет нужной тебе цифры, останови её, оста-

нови раньше других! Если никто не даст больше, товар твой. Стрелка, постояв мгновение, идёт дальше. Задержи её, если можешь — заплати дороже! Не можешь — жди, моли бога, чтобы твоя цена была последней. Щелчок! Значит, ты вышел из игры, товар достанется твоему сопернику.

Говорят, всё меньше покупателей бывает на майских аукционах. Коммерсанты помельче разоряются. Всё сжимается круг конкурентов. Не прекращается жестокая борьба. Оптовики ворочают миллионами, торгуют цветами по всей стране и ещё больше их отправляют за границу.

В грузовиках и вагонах к соседям, в самолётах — за океан.

Я пытаюсь представить себе атмосферу аукциона, спёртую от жадности, от ненависти к противнику, испарину на лбах, потные пальцы, тянущиеся к кнопке. И цветы на тележках, чистые лепестки, доверчиво открытые людям...

Из оранжереи выходит коренастый мужчина в белом халате, шагает нам навстречу.

— Добрый день, — говорит он. — Что господам угодно?

— Ничего, мы просто гуляем.

— Цветы сегодня не продаём.

Ещё шаг — и шершавый, неприветливый голос смягчается.

— Я бы вам показал кое-что... Вальтер, сын хозяина, тут... Принесло его в воскресенье! Мальчишка, а суёт нос везде... Хуже старика!

Однако минут десять мы беседуем. В стеклянном городке выводят разные южные растения, но главная культура — тюльпаны. В поле луковицы высаживаются осенью, а летом, после цветения, их выкапывают, хранят в закрытом помещении, сушат их там, очищают. И снова вывозят в поле. Луковица постоянно обновляется, тюльпан ведь многолетний!

— Ручной цветок, господа, более послушного не сыскать! Посудите сами! — Загибая пальцы, он перечисляет достоинства тюльпанов. Дольше всех цветёт — целый месяц. Дольше всех, срезанный, держится в воде. Богатство оттенков — рекордное.

Потом я слышу:

— Господин — иностранец?

— Из Советского Союза, — спешит сообщить Герард.

Мы прощаемся, и Герард вкладывает ему в руку монету.

— У нас в Голландии, — объясняет мне Марта, — принято за всё платить.

Снова стрелка спидометра ползёт к ста, снова сливаются в месиво мачты и фабричные трубы, вонботы и цепочки автомашин, ножницами смыкаются автостреды и виадуки, веером расправляются каналы.

Здесь, на самой «палубе», у сурового моря, стянулось больше половины населения страны, перевалившего за двенадцать миллионов. Чего ради? Ответ дал нам отчасти стеклянный город. Да, область угрожаемая, но зато плодородная, — нет лучше земель в Голландии, чем польдеры.

В устьях рек швартуются морские суда, встречаются с самоходными баржами из глубины страны, из Бельгии, Франции, Западной Германии. Где гавани — там и промышленность.

День на исходе, вспыхивают вывески бензоколонок — первые штрихи ночного рисунка страны. Рисунка условного, из путаницы намёков. Дуга светящихся бусинок обозначает мост, топовые огни на мачте вмещались в гроздь зажжённых окон.

Герард развёртывает карту. Мы сбились с пути? Нет, он вспомнил своё обещание.

— Тут недалеко фармацевтический заводик... Владелец решил не отставать от рабочих, взял да и зажёл на фронто́не: «Голландия, разоружайся!» Что поднялось! Заводчика — к суду! Недозволенная пропаганда! Он, понятно, ссылается на конституцию. Но крючкотворы нашли уловку. Свобода печати, говорят, в законе имеется, а вот свобода выставлять неоновые лозунги не упомянута. Следовательно, нельзя! Всё же, знаете, его пришлось оправдать. Процесс страшно возмутил всех... Так, следующий поворот...

— Посмотрим, — произнесла Марта.

— Он же выиграл дело, — сказал Герард, уловив скептическую нотку. — Лозунг должен быть на месте.

Мы свернули там, где нужно. Вскоре Герард нетерпеливо заёрзал.

Впереди, на вершине башни, почти невидимой в темноте, поднимался в небо оранжево-красный рекламный вензель. Марка фирмы. Под ней должен быть лозунг...

Мы напрасно высывались из машины, напрасно задирали головы.

— Погасили, негодяи! — буркнул Герард. — Вы извините, я рассчитывал...

— Святая простота, — усмехнулась Марта.

— Извините, — сокрушённо бормотал Герард. — Нас учили верить в бога и в конституцию, понимаете... Такой громкий процесс... Я надеялся...

Он бросил ещё один взгляд на башню с последней надеждой.

СОВСЕМ недавно в Караганде я спускался в шахту № 22 имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Это шахта-гигант, одна из пяти самых больших в Советском Союзе. Она даёт 3 миллиона 250 тысяч тонн угля в год. Это почти в три раза больше, чем средняя добыча шахты Карагандинского бассейна. А ведь здесь — все шахты крупные. И даже среди них двадцать вторая выделяется, как баскетболист среди людей среднего роста. Её подземные «коридоры» — горные выработки — протянулись на сто шестьдесят километров!

Разве можно столько пройти пешком за один раз? Мы с заместителем директора шахты Эдуардом Григорьевичем Случанко в тот день побывали только в двух из тринадцати забоев. И то пришлось протоптать километров восемь. Не так уж и много. Но с непривычки очень трудно. Это ведь не по шоссе идти, а под 400-метровым слоем земли. Её толщина с такой силой давит на толстые сосновые брёвна-стойки, что из них брызжет сок. Чтобы удержать эту тяжесть, горнякам приходится ставить очень много подпорок, класть на них балки-поперечины, укреплять и кровлю, и стены штреков.

Поэтому очень тесно в подземных коридорах даже на шахте-гиганте. Протискиваешься между стойками. Наклоняешь голову, чтобы не удариться о балку. Под ноги посматри-

вашь: где вода хлюпает, где через куски породы надо перешагивать. А сбоку бежит транспортёр, и на нём поблёскивает уголь, только что добытый в забое, — едет в вагонетки. И так бывает трудно пройти, чтобы на транспортёр не наступить и вместе с углем не уехать, что боком пробираешься, хватаясь руками за стойки.

В общем, нелёгкое это занятие — ходить по шахте.

А ПОТОМ прилетел на самолёте из Караганды в город Дзезказган. Пришёл к директору Западного рудника Вячеславу Васильевичу Костюченко. Он спрашивает:

— Вы на наших шахтах бывали?

— Бывал, — говорю. — В Караганде.

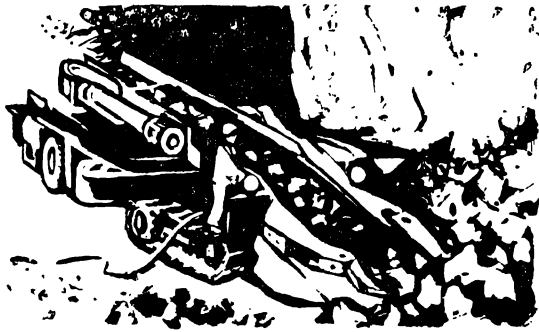
— Ну, это совсем другое дело. Таких шахт, как наша пятьдесят пятая имени Двадцать третьего съезда партии, вы там не видели.

— А какая разница, кроме той, что в Караганде добывают каменный уголь, а в Дзезказгане — медную руду? Шахта есть шахта. Всё равно, наверное, каской за кровлю буду задевать.

Усмехнулся Вячеслав Васильевич как-то загадочно и ничего рассказывать не стал.

— Пойдёмте переодеваться. Сами всё увидите. Только «газик» наш на ремонте, пешком придётся ходить.

— А зачем нам автомашина? — спрашиваю. — Ведь главный ствол вашей шахты совсем рядышком.

— На «газике» мы под землёй ездим, — терпеливо объясняет директор. И опять загадочно улыбается. Невозможно понять, шутит или серьёзно говорит. Наверное, шутит. Как это может быть — на автомашине, хоть и на маленькой, под землёй ездить?!

Надели мы шахтёрские робы, резиновые сапоги, пластмассовые каски, взяли лампочки. Всё точно так же, как и в Караганде. Вошли в клеть. Это большой лифт на сорок человек. И за сорок секунд спустились на триста метров, на добычный горизонт.

Вышел я из клетки и растерялся. Куда меня привезли вместо шахты? Стою в огромном пустом зале. Его своды теряются во мраке — даже свет сильной шахтёрской лампы не достаёт до потолка. А я-то думал, что головой за кровлю буду задевать! В одном этом зале вполне можно устроить две волейбольные площадки. А дальше, за мощными каменными колоннами в три обхвата, — такой же зал. Дальше — ещё и ещё. Бесконечной анфиладой уходят они вдаль, как в Зимнем дворце.

Я очнулся от шума автомашины. Было слышно, что к нам приближается грузовик.

— Осторожно, сойдите с дороги, — сказал Вячеслав Васильевич. — Теперь вы видите, что в нашей шахте, как на улице большого города, пешеходам надо внимательно следить за транспортом. Иначе под колёса попасть недолго.

Тут я увидел, что мимо того зала, где я остановился в изумлении, идёт бстонирующая дорога — широкая мостовая и сбоку, чуть выше, — тротуар. Настоящая улица. Идём по ней, а по мостовой проносятся самосвалы. Обыкновенные самосвалы в необыкновенной шахте, похожей на замок подземного короля.

— Вот мы и в забое, — говорит Костюченко.

Я уже понимаю, что забой здесь совсем не такой, какие я видел в Караганде. Но всё равно удивляюсь. Забой в каменноугольной шахте это очень маленькое пространство между комбайном и механизированной передвижной крепью. Комбайн скалывает уголь, углубляется в пласт. За ним шагает, переставляя свои металлические ноги, передвижная крепь, которая служит кровлей и задней стеной забоя, защищает горняков от обвалов породы. В бригаде десять человек, и они работают, почти задевая плечами друг друга.

А здесь, в Джезказгане, забой напоминает Исаакиевский собор, опущенный под землю. Это такой же зал, как и первый, в котором я буквально остоленел от изумления. Под ногами громоздятся глыбы темно-серой медной руды. Их сгребает в большие груды бульдозер, а экскаватор захватывает в свой ковш и грузит в самосвал. В соседнем забое, за колоннами, вместо экскаватора работает погрузочная машина. У неё две лапы, как у тех её сестёр, что убирают снег на ленинградских улицах. В это же время другие самоходные машины — буровые каретки — готовят плацдарм для завтрашнего наступления на пласт. У буровой каретки на длинных тонких шеях — две буровые головки. Они, как осиные жала, вонзаются в рудное тело и высверливают в камне шпурсы — отверстия для закладки зарядов. Их подорвут после окончания третьей смены, ко-

гда все рабочие поднимутся наверх. Прогремят взрывы, пространство в забоях снова заполнят куски руды. И опять заработают бульдозеры, экскаваторы, погрузочные машины, автосамосвалы...

— Вам повезло, — говорит Вячеслав Васильевич. — Вы увидели шахту будущего. Таких в нашей стране только две, и обе — в Джезказгане: пятьдесят пятая и пятьдесят седьмая. Но скоро их будет гораздо больше. К нам приезжают учиться горняки со всего Советского Союза. Приходят, как в школу, опытные шахтёры и удивляются не меньше, чем вы. Эти совещания так и называются: школа по применению самоходной техники. Министерство цветной металлургии СССР решило перевести четырнадцать рудников страны на наш метод добычи сырья. Кроме того, этот опыт будет использован на горных предприятиях чёрной металлургии и сланцевой промышленности.

СЛОВО «джезказган» в переводе с казахского языка означает: «медь копал». Кто копал? Да многие. Ещё в глубокой древности было известно, что земли в окрестностях Улугтауских гор по течению реки Джезды содержат богатейшие медные руды. Ведь и слово «джезды» значит «медная». Около трёх тысяч лет назад древние рудокопы плавил здесь металл. Учёные спорят, к каким племенам они принадлежали. Одни считают, что к персидским, другие — к тюркским. А чаще всего эти древние племена на-

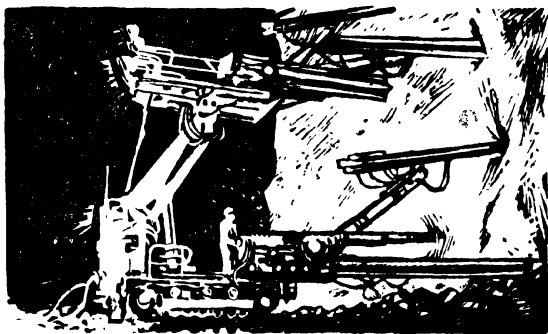

зывают «чудью» — чудными, не похожими на других. Считается, что древние чудские рудокопы вынули в этих местах не меньше миллиона тонн руды и пустой породы.

Потом джезказганское месторождение надолго забыли. Русские купцы и промышленники обратили на него внимание только в конце восемнадцатого века. Позже, к началу нынешнего столетия, о несметных богатствах, заложенных природой в недра казахстанских степей, узнали англичане, французы, американцы. Они постарались прибрать к рукам месторождения цветных металлов и каменного угля, основали синдикаты и акционерные компании, стали строить шахты и заводы.

Непрошенных гостей прогнала с нашей земли Великая Октябрьская социалистическая революция. В мае 1918 года Совет Народных Комиссаров РСФСР национализировал крупнейшие горнозаводские предприятия республики, в том числе Джезказганский рудник. В затерянной полупустыне закипела новая жизнь.

Пока шли тысячелетия, столетия и десятилетия, появлялись, совершенствовались орудия труда горняков. На шахтах становилось всё больше разнообразной техники. Но до самого последнего времени медную руду в Джезказгане добывали совсем не так, как теперь на ска-

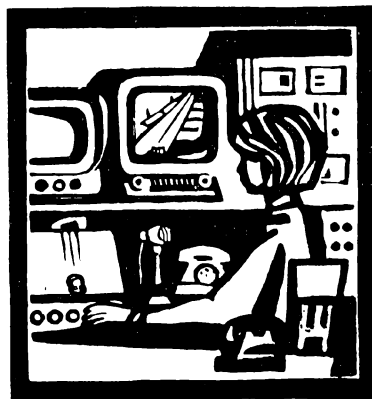
зочных шахтах-гигантах. Шпурь (вы помните, что так называются отверстия в пласте, куда закладывают взрывчатку) бурили перфораторами. Это инструмент, похожий на отбойный молоток. Его надо держать руками, а он, вгрызаясь в твёрдую руду, постоянно дрожит, колотится от напряжения. Из-за этого многие старые бурильщики страдали вибрационной болезнью: у них распухали суставы пальцев. Да и вообще это очень тяжело — весь день бурить камень таким образом. Руду грузили тоже вручную. Было очень много тяжёлого физического труда. Силы тратились большие, а добыча оставалась маленькой.

Надо вам сказать, что человечеству жить без меди невозможно. Она требуется всюду. Чтобы построить пароход или автомобиль, отлить памятник, отпечатать трамвайный билет — необходим этот металл. Поэтому медь, выплавленная из джезказганской руды, пользуется большим спросом не только в нашей стране. Во многих государствах совсем нет месторождений меди, и они покупают её у нас за золото.

Но джезказганская руда содержит не только медь. Это целая кладовая богатств. В ней есть свинец, цинк, железо, сера, рений, таллий, галлий, индий, кадмий, ртуть, висмут, молибден, мышьяк, сурьма, кобальт, никель, олово, вольфрам. Чуть ли не половина таблицы Менделеева! И некоторые из этих элементов ещё нужнее народному хозяйству, чем медь.

В каждой тонне руды содержится лишь несколько десятков граммов редкого металла рения. Но без него невозможно создавать современные электронные приборы, кибернетические машины, сверхзвуковые самолёты, ракеты.

Вот почему Коммунистическая партия и Советское правительство решили построить в Джезказгане мощный горно-металлургический комбинат, резко увеличить выплавку меди и других цветных, драгоценных и редких металлов. А для этого нужно было в первую очередь

добывать руды намного больше, чем прежде.

Вот тогда-то, думая, как лучше выполнить решения партии, джезказганские горняки задались целью совершенно переделать шахты, чтобы в них можно было применять сильные машины на колёсах и гусеницах. Сколько было споров и сомнений! Многие специалисты считали эту идею неосуществимой. Им было трудно отказаться от привычек, от традиций, складывавшихся веками.

— Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

Эту фразу твердил один чеховский герой, больше всего на свете боявшийся непривычного. Примерно так же рассуждали и противники перемен на джезказганских шахтах. Не подумайте, что они были какими-то необразованными и глупыми людьми. Это были уважаемые специалисты, они много сделали для того, чтобы выполнять государственные задания, чтобы лучше наладить работу шахт. Но налаживали они её по старинке и не могли понять, что, идя по этому протоптанному пути, не удастся осуществить новые планы партии. Их взгляды отстали, им не хватало смелости и современных знаний. И они повторяли:

— Этого не может быть...

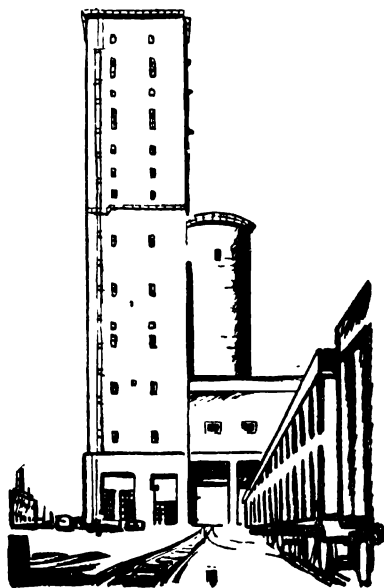
— Это должно быть, потому что это необходимо, — отвечали поваторы. И подтверждали свою убежденность расчётами, экспериментами.

Трудностей у них было больше чем достаточно. Как крепить кров-

лю и стены горных выработок? Деревянные и металлические стойки пригодиться не могут при такой высоте и таком объёме камер. Как бурить шпуры на тридцатиметровой высоте, если каретка дотягивается только на пятнадцать метров? Как поведёт себя горное давление в больших камерах? Какой толщины должны быть колонны-опоры? Как построить автомобильные дороги под землёй?.. Десятки сложнейших вопросов возникали перед новаторами. А готовых ответов искать было негде. В Советском Союзе никто не строил таких шахт. Они уже существовали в Соединённых Штатах Америки, но американцы не раскрывали своих секретов.

Горнякам Джезказгана пришлось идти своим, непроторённым путём. И они потратили на этот путь вдвое меньше времени, чем американцы. Не за двадцать, а за десять лет создали совершенно новую технологию и проверили её на практике.

Эпоха самоходных машин на советских меднорудных предприятиях началась в 1957 году. Впервые в истории горного дела нашей страны в шахту № 51 Джезказганского горно-металлургического комбината

имени Қаныша Имантаевича Сатпаева был спущен экскаватор. Его разобрали по частям, спустили детали по шахтному стволу, протащили их по узким штрекам в забой и снова смонтировали машину. И отечественный экскаватор Э-1003 начал работать под землей.

— Сердце радовалось, когда в первый раз я на этой глубине зачерпнул руду, — говорил потом машинист экскаватора Кнауб.

Первый опыт блестяще удался. На следующий год в шахте № 45 создали экспериментальный участок. Шахты Джезказгана стали лабораторией и полигоном. За десять лет здесь испытали семьдесят пять типов отечественных и зарубежных машин и механизмов. Пробовали под землей английские буровые каретки «Клаймакс», шведские экскаваторы «Ландсверк», французские погрузочные машины «Джой»...

Испытывали чужую технику и создавали свою. Сейчас на машиностроительных заводах страны для Джезказгана изготавливают восемнадцать видов различного оборудования. Двенадцать из них сконструировали работники комбината. Со всем недавно экспериментальную лабораторию, которая занимается этой работой, превратили в научно-исследовательский и проектный институт. Шахты, карьеры, обогатительные фабрики, строящийся медеплавильный завод, сталелитейный завод, железнодорожная станция, а теперь ещё и свой институт, — вот как вырос Джезказганский горно-металлургический комбинат!

Сначала для самоходных машин приспособляли, реконструировали уже действующие шахты. А пятьдесят пятую строили так, чтобы всё на ней было полностью механизировано. Её главный ствол уходит на четыреста сорок метров в глубь земли. А над землёй на восемьдесят три метра вздымается узкий прямоугольник её копра. В этом высоченном здании размещены службы и механизмы управления. И на орлиной высоте, и в толщах недр работают умные и сильные машины.

освободившие людей от тяжёлого физического труда, сделавшие его инженерным.

МЫ с Вячеславом Васильевичем Костюченко поднялись на пятьдесят третью отметку копра. Здесь установлен пульт, за которым сидит молодая миловидная женщина, техник-оператор. Под землёй женщинам работать не разрешается, а высоко над землёй, где птицы летают, можно. И вот она следит за приборами, установленными на стендах. Одни приборы показывают, как действуют скипы — подъёмные устройства, доставляющие руду из шахты на поверхность. Это огромные металлические ящики. Они бегают вверх и вниз по шахтному стволу с бешеной скоростью (восемь метров в секунду) и за один раз поднимают по двадцать пять тонн руды. Ими управляют автоматы, а человек только наблюдает, всё ли в порядке. Другие приборы отмечают ход клеток — пассажирских лифтов. Третьи регистрируют работу механизмов водоотлива: в шахту проникает грунтовая вода, её откачивают насосами. Кроме того, перед техником-оператором стоит телевизор. Его можно включить и увидеть, что происходит на любом горизонте шахты. Увидеть и сказать по телефону:

— А почему это вы, дорогие товарищи, не доверху самосвалы нагружаете?

Или:

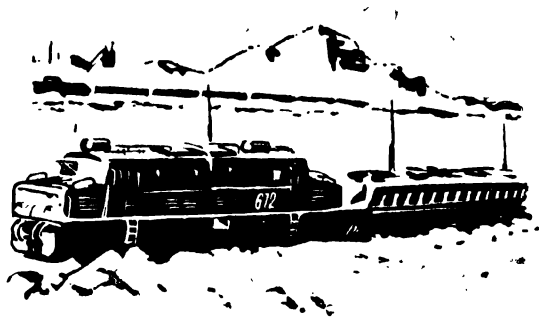
— Что же это у вас буровая клетка одной головкой работает, а не двумя? Исправьте, пожалуйста!

Техник-оператор... Десять лет назад такой профессии на шахте не было. Не было и экскаваторщиков, бульдозеристов, водителей автосамосвалов. Теперь на пятьдесят пятой шахте около ста самоходных машин. Ими управляют рабочие, которые, по существу, стали операторами, техниками. Единственная чисто физическая работа, которую я видел, это вот какая. Идёт поезд под землёй, везёт руду. По команде оператора каждый вагон по очереди опрокидывается и ссыпает руду вниз, в дробилки. А перед этим лаборант лёгким ударом молоточка откалывает кусочек руды, чтобы отнести образцы на анализ и определить, какой процент меди содержится в руде, погружённой в каждый вагон. Вот и всё, что здесь делается вручную.

А в кабине электровоза, который тянет за собой вагоны с рудой, между прочим, машиниста нет. Поезда идут беспрерывно. Один ссыпает руду, а следующий уже ждёт очереди. И всеми ими командует всё тот же оператор за пультом, который нажатием кнопки заставляет опрокидываться огромные, тяжёлые вагоны-думпкары.

Благодаря тому, что на этой удивительной шахте все трудовые процессы автоматизированы и механизированы, производительность труда на ней в два-три раза больше, чем на любом другом родственном предприятии, и значительно выше, чем на шахтах самых технически развитых стран Запада: США, Швеции, Канады.

Благодаря этому и весь Джекзанганский горно-металлургический комбинат показывает пример другим. Помните, когда заканчивалась прошлая пятилетка, газеты много писали о предприятиях и областях, которые рапортовали о досрочном выполнении государственных планов и своих социалистических обязательств. И если удавалось выполнить план на три

или на пять дней раньше, это было большим успехом. А джезказганские горняки закончили восьмую пятилетку 4 декабря 1970 года — почти на месяц раньше срока!

НА сотни километров расстилается вокруг Джезказгана полупустыня. Её равнины и невысокие сопки покрыты только низенькой травой. В июне она уже желтеет, выгорает под лучами жаркого до жестокости солнца. Чаще всего за всё лето здесь не выпадает ни одного дождя. Иссушенная земля трескается. Часто дуют суховеи, поднимаются пыльные бури. Они несут на город тучи пыли, песка, мелких камешков. Тогда среди дня становится темно, и машины ездят с зажжёнными фарами. А зимой бывают сильные морозы, бураны. Степь почти безлюдна. По ней можно ехать целый день и не встретить ни одного человека, не увидеть жилища. Зато как радуешься, когда замаячит впереди чабанская юрта, а тут и сам пастух подскачет на коне, пригласит в дом выпить кумыса, отдохнуть после трудного пути.

Ни дерева, ни кустика вокруг, ни озера, ни реки. Почти все реки Центрального Казахстана летом пересыхают. Но люди сильнее полупустыни. Они построили здесь большой современный город, научили деревья расти и зеленеть на этой голой земле, создали два искусственных моря. На строи-

тельстве Джезказганского комбината используются самые последние достижения советской и мировой науки и техники. Джезказган стал одним из главных поставщиков медной руды нашему народному хозяйству. Пущена ещё только первая очередь медеплавильного завода, но уже сейчас его продукция отправляется на десятки наших предприятий и за рубеж: в Чехословакию и Германскую Демократическую Республику. Никогда в мире ни на одном заводе цветной металлургии не удавалось за месяц достичь уровня мировых стандартов. Это впервые сделал Джезказган.

О том, как сказочно изменился этот край, хорошо сказал казахский поэт Халижан Бекхожин:

Безлюдная степь простиралась
бескрайно,
Без птиц, без листвы, и молчала
века —
Ревниво хранила глубокую тайну
И смерчем вздымала громады
песка.
Но чудо сбылось на пустынных
просторах,
Волшебные сказки, свершенье
мечты:
Построен гигант, возвышается
город,
Трепещет листва, распустились
цветы.
Дома удивительны в городе этом.
Как радостно в новом, цветущем
краю!
И с нынешним рядом по многим
приметам
Сегодня я завтрашний день узнаю.

Да, удивительные дела творят советские люди в казахстанских степях. Но не думайте, что жизнь здесь стала раем и все трудности уже позади. Их ещё очень много, трудностей, и жить в Джезказгане нелегко. Особенно тем, кто не родился в степи, а приехал сюда из России, Украины, Белоруссии, Прибалтики. А таких здесь большинство. Нет-нет, и затоскует человек по густым лесам, по сочной луговой траве, по прохладе, даже по тягучим ленинградским

дождям. Некоторые не выдерживают непривычного климата, уезжают на родину.

Но большинство остается. Что же их здесь держит? Об этом написал стихи школьник Витя Смирнов, сын работника Дзержинского комбината:

Мы — ребята из Рязани,
А живём мы в Дзержинске,
Потому что надо медь
Нашей Родине иметь.

Молодец Витя — очень точно
сказал!

Пётр МИЛОСЕРДОВ
Рис. А. Курушина

Вкусен чай из самовара!

(К фотографии на 3-й странице обложки)

ЗНАТОКИ утверждают, что нет чая вкуснее, ароматнее, приятнее, чем чай из самовара. Потому он и называется самовар, что сам чай варит.

Никто точно не знает, когда был изобретён первый самовар, хотя возраст его перешагнул за триста лет.

Очень разными бывали они. Один из первых был просто большим медным чайником на ножках, с трубой и поддувалом. Это — старейший предок современного самовара. Называется он сбитенник. В нём варили сбитень — напиток из мёда, шалфея и зверобоя. Триста лет тому назад сбитень пользовался таким же спросом, как сегодня лимонад.

Первые самовары напоминали чайники и служили для заваривания чая. Позднее вошёл в обиход самовар-«кухня». В его пузатом объёме перегородки образовывали отсеки. В одном отсеке кипятят воду для чая, в другом — варят кашу, в третьем — суп. С помощью такого самовара можно было не только напиться чаю, но и приготовить обед из нескольких блюд.

Заметно увеличился спрос на самовары в начале прошлого века. Их стали изготавливать всевозможными по форме — бочонок, репка, сундучок, античная ваза, — вместимостью от двух стананов до ведра.

В Москве, Петербурге, Туле, Ярославле, на Урале народные мастера изготавливали самовары, которые были не только предметом домашней утвари, но и произведением прикладного искусства. Лучшие умельцы оставляли на своих работах автографы.

Дорожные самовары делались на съёмных ножках. Их удобно было брать в путешествие, на пикник или гулянье. С таким самоваром великий русский полководец М. И. Кутузов разъезжал по военным дорогам России.

В нашей стране чаепитие давно стало национальным обычаем. Поэтому самовар неизменно был экспонатом всех русских выставок, устраиваемых за рубежом. До сегодняшнего дня, вот уже четвертое столетие, он остаётся спутником нашего быта. Неважно, что ныне самовар нагревают не угля, а электрическая энергия.

В Русском музее — крупнейшей сокровищнице отечественного изобразительного искусства — хранится редкая коллекция русских самоваров. Недавно она с большим успехом впервые демонстрировалась на выставке в залах музея.

А. КИРИЧЕНКО

...наш город находится в зоне климата переходного от континентального к морскому? За год приток солнечной радиации здесь в полтора раза больше, чем в Арктике, и в два раза меньше, чем в Закавказье. Неустойчивость погоды объясняется систематическим обменом воздушных масс различного происхождения: арктического, атлантического, континентального и даже тропического. Учёные приходят к выводу, что климат Ленинграда стал теплее, чем был в первые годы существования города.

...в Грузии решено создать «городок здоровья» в недрах сталактитовой пещеры Абрскил, близ Сухуми? Учёные установили, что изотопы углерода, приносимые водой и просачивающиеся с поверхности, ионизируют атмосферу пещеры, делая её схожей с целебным воздухом хвойных лесов и высокогорных альпийских лугов.

...на острове Ява (Индонезия) живут обезьяны — большие любительницы... моллюсков, креветок и других обитателей моря? Они охотятся на морском дне и часто вступают в схватку с подводными хищниками. На такую охоту они берут и своих детёнышей, чтобы молодянка привыкала к воде и начинал охотиться самостоятельно.

...в глубинных слоях песчаного карьера близ Азова найден скелет слона, обитавшего примерно полмиллиона лет назад на территории нашей страны? Найденное ископаемое животное представляет промежуточную форму между южным слонем и мамонтом. Его рост достигал пяти метров, а череп и сейчас весит не менее полутоны. Находка является большой научной редкостью, так как полного скелета подобного ископаемого нет нигде в мире.

...столице Мексики угрожает опасность: город опускается? Учёные считают, что основная причина медленного погружения города Мехико — отсутствие воды. Каждую секунду насосные станции столицы выкачивают из-под земли 9,5 кубического метра воды для нужд 7-миллионного населения и промышленности. Запасы подпочвенных вод катастрофически уменьшаются. Этим и объясняется, что почва под городом опускается. Национальный дворец с 1900 года и по настоящее время опустился уже на 14 метров.

...много тайн пернатого мира раскрыла уникальная картотека птичьих колец, собранных в Московском центре кольцевания с 1924 года? Свыше двух миллионов птиц подняли в небо алюминиевый автограф «Москва». Судьба примерно 60 тысяч из них стала известна. Выяснилось, например, что не с юга, как считалось прежде, летят на русскую равнину весенние птицы. Путь большинства из них начинается в Западной Европе. Там, оказывается, зимуют наши грачи, скворцы, дикие утки, чайки.

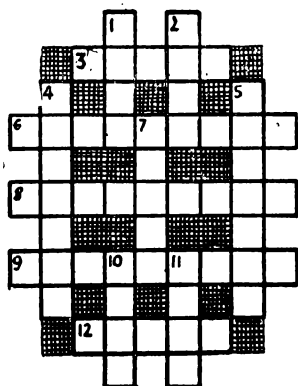

...удивительный остров Пайгамбар-Арал расположен на Аму-Дарье в нескольких километрах от Термеза? На сравнительно небольшом клочке земли в 3 тысячи гектаров обитают десятки самых разнообразных животных и пресмыкающихся, имеется множество видов редких растений. В центре острова водятся диние кабаны и аму-дарьинские фазаны, рядом раскинулся кусок знойной пустыни — с барханами, верблюжьей колючкой, саксаулом. Здесь можно встретить полутора-метрового варана, зайца-песчаника, ядовитых змей. Удивительный уголок земли объявлен заповедником флоры и фауны Южного Узбекистана.

КРОССВОРД

Отдел ведёт Вадим Аментьев

По горизонтали. 3. Прибыль. 6. Распоряжение, руководящее указание. 8. Осветительный прибор. 9. Одна из фаз Луны — когда она не видна с Земли. 12. Самое высокое животное на земле.

По вертикали. 1. Более или менее обособленная часть океана. 2. Род спортивной площадки. 4. Житель острова Кипра. 5. Летательный аппарат. 7. Потомок первых европейских колонизаторов в Латинской Америке. 10. Сельскохозяйственная постройка. 11. Пресмыкающееся.

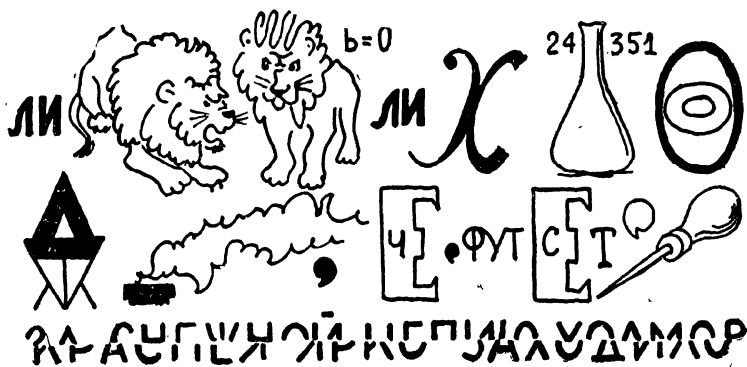
ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ШИФРОВАНИЕ

А	Б	В	Г	Д	Е
Ж	З	И	Й	К	Л
М	Н	О	П	Р	С
Т	У	Ф	Х	Ц	Ч
Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э
Ю	Я				

Кто из вас настоящий следопыт, тот сумеет с помощью ключа и таблицы прочесть зашифрованное здесь слово:

Гора, тропинка, просека, астероид, зонд, мелколесье, уголье, сто, проверка, предохранитель, колибри, предок, омар, ось.

ШИФРОГРАММА

Прочесть, что здесь зашифровано, не так уж трудно, но подумать всё же придётся...

Проверь себя

(Ответы в «Искорке» № 7, 8)

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ...

ЧАЙНВОРД

1. Корвет. 2. Топ. 3. Пират. 4. Таран. 5. Навал. 6. Леер. 7. Регата. 8. Атака. 9. «Аврора». 10. Аванпорт. 11. Тропик. 12. Катер. 13. Редан. 14. Новик. 15. Кок. 16. Компас. 17. Сейнер. 18. Рангоут. 19. Тент.

Моряк в море дома, на суше в гостях.

СЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ

Гангут, Чесма, Синоп. В память трех славнейших побед русского флота на флотских воротниках имеются три светлые полосы.

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Север. 5. Палаш. 9. Село. 10. Конь. 11. Лешка. 13. Льеж. 14. Пиала. 17. Кросс.

По вертикали. 1. Вега. 2. Нева. 4. Сепия. 5. Полип. 6. Лапта. 7. Шкала. 8. «Антей». 15. Игра. 16. Ласт.

РЕБУС-МАЛЫШ

Подгонка.

НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ

Целе.

ЭТО СКАЗАЛ СЕРВАНТЕС...

Из многих «мало» выходит одно большое «много».

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Пилон, кожа, пико, лонжа.

Буфер, рама, бура, ферма.

ОДНО СЛОВО

Подзащитная.

Содержание

Осень на Аптекарском острове. Стихотворение Т. Филановской	1
Юлька-заморыш. Продолжение повести Бориса Раевского . .	2
Разговор с ветром. Стихотворение Анатолия Тяпаева . .	15
Стихи в рюкзаке. Шесть стихотворений Олега Тарутина	16
Генеральский секрет. Рассказ Григория Воскобойникова .	20
Когда я была мужчиной... Рассказ Валентины Чудаковой	23
Две недели с телевизором. Рассказ Я. Длуголенского	39
Голландия. Очерк В. Дружинина	46
Потому, что надо. Очерк П. Милосердова	53
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Всадники».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд В. Дроздова «Листопад».

На 3-й странице обложки: «Вкусен чай из самовара». Фотографии Н. Карасёва.

На 4-й странице обложки рисунок художника А. Курушина «На буксире».

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин,
К. И. Курбатов, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, ком. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 25/VIII 1971 г. Подписано к печати 11/X 1971 г. 4 п. л.
М-35212. Зак. № 363. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

